СВОБОДНОЕ СЛОВО

О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ РОССІИ.

Григорія де Воллана.

BERLIN.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)

3. UNTER DEN LINDEN 3.

1881.

I.

Введеніе.

Curavi humanas actiones,
non ridere, non lugere, neque
detestari, sed intelligere.
Spinoza.

Событія не ждутъ. Исторія съ неумолимою логикою не даетъ намъ время опомниться, не даетъ срока на спокойное размышленіе. Но слышали-ли мы за все это время трезвое, спокойное мнѣніе, узнали-ли программу того, что необходимо сдѣлать въ эту трудную историческую минуту? Что слышали мы кромѣ фальши, лицемѣрія, жалкихъ словъ, разнаго рода причитываній, взаимныхъ обвиненій и самой наглой лжи? Мы не беремся говорить,— какъ многіе самозванцы это дѣлаютъ, — отъ имени русскаго народа, по той простой причинѣ, что мы его мнѣнія не знаемъ. Мы также не будемъ говорить отъ имени общества,

потому что оно еще не высказалось. Мы только скажемъ искренно наше собственное мнѣніе, безъ запальчивости отнесемся мы къ нашимъ партіямъ, разберемъ причины возникновенія и развитія революціонныхъ элементовъ въ русскомъ обществѣ. Заподазривать насъ въ солидарности съ людьми, которые, именуя себя лучшими людьми Россіи, избрали своимъ орудіемъ борьбы „кровь и желѣзо,“ можетъ только человѣкъ, не понимающій истиннаго патріотизма и истинной любви къ Россіи. Легче всего называть людей, для которыхъ динамитъ является послѣднимъ и самымъ убѣдительнымъ аргументомъ, извергами и злодѣями. Но не въ томъ дѣло, и обязанность русскаго гражданина заключается конечно не въ томъ, чтобы закрывать глаза предъ опасностью, грозящей Россіи. Кричать противъ того, который не бранится, а предлагаетъ только мѣры, значитъ доказать недомысліе и непониманіе того труднаго историческаго момента, который мы теперь переживаемъ. Брань и жалкія слова мало убѣдительны въ этомъ случаѣ. Пора тѣмъ, которые любятъ Россію, заговорить свободнымъ, искреннимъ, правдивымъ словомъ гражданина, откинувъ отъ себя рабскую манеру лицемѣрить, лгать и „кивать на Петра.“

Скажемъ откровенно, что власть и обще-

ство одинаково виноваты въ совершившемся событіи, и откажемся отъ нашего прошлаго, полнаго лжи и лицемѣрія. Сознáемся прямо и откровенно, что рабство не могло создать гражданъ, и что мы привикли прятать свои мысли, говорить обиняками, и что намъ и теперь будетъ очень трудно отказаться отъ этого мрачнаго наслѣдія прошлаго, отъ умственнаго маскарада, въ которомъ до сихъ поръ благодушно пребывали. Трудно стать вдругъ свободнымъ гражданиномъ. Но надо только попытаться, и тогда только мы достигнемъ полной свободы. Мы живемъ въ сложное и трудное время. У каждаго изъ насъ есть два правительства: Одно правительство раздаетъ мѣста, ордена, награды, аренды; другое—окружаетъ нравственнымъ ореоломъ избранную личность. Угодить тому и другому — вотъ сокровенная мысль каждаго русскаго, который, при безсиліи перваго, старается угодить общественному мнѣнію, т. е. второму правительству. Большинство конечно стремится къ тому, чтобы „невинность сохранить,“ обезпечить себя отъ всякихъ репрессалій и пріобрѣсти популярность среди общества. При этомъ могутъ процвѣтать только лицемѣріе, лакейство и низкопоклонство. Нравственная доблесть, смѣлое гражданское слово, являются

у насъ рѣдкостью. Вы всегда услышите единодушные крики: „впередъ!“ или „назадъ!“ Но вы рѣдко услышите единичный голосъ людей, идущихъ противъ теченія. У насъ мало характеровъ; образованію характеровъ помѣшала вся наша историческая жизнь. Мы всегда или либеральны или ретроградны, но при этомъ лакейскій либеральны, лакейскій ретроградны. Кто нибудь закричитъ „впередъ!“ или „назадъ!“ и какъ загнанное стадо мы всѣ бросаемся подъ палку. Каждое вѣяніе времени у насъ является всемогущимъ, всесильнымъ и давитъ и забрызгиваетъ грязью того дерзновеннаго, который осмѣлится имѣть свое собственоое мнѣніе. Когда другіе народы открыто боролись за вѣру, за свободу, мы выдумали кукишъ въ карманѣ, эзоповскій языкъ, рабью манеру и закончили убійствомъ изъ-за угла. Кто виноватъ въ этомъ окончательномъ, позорномъ финалѣ цѣлаго періода рабства, произвола и деспотизма? Общество или власть? На это можетъ отвѣтить только исторія.

Мы начнемъ поэтому съ краткаго историческаго очерка и перейдемъ къ характеристикѣ нашихъ партій, къ разъясненію революціоннаго движенія. Въ нашемъ очеркѣ, который можетъ показаться краткимъ, неполнымъ, мы не будемъ льстить, заискивать. Мы скажемъ

безбоязненно и смѣло наше искреннее мнѣніе. Зачѣмъ, скажутъ намъ, выступать съ краткимъ, неполнымъ очеркомъ, когда можемъ писать цѣлую книгу. Мы на это возразимъ, что книга потребуетъ много времени, а событія не ждутъ. Въ то время, когда общество молчитъ, когда народъ, по выраженію Аксакова, недоумѣваетъ, мы слышимъ только мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ и видимъ прокламаціи „Исполнительнаго Комитета,“ говорящаго отъ лица всей Россіи. Голоса трезво мыслящихъ людей мы еще не слышали. Пора понять, что ни Исполнительный Комитетъ, ни редакція Каткова, не представляютъ собою молчащую Россію. Обѣ редакціи совершенно неосновательно говорятъ отъ имени Россіи, которая не давала имъ на то уполномочія.

II.

Реакціонеры или прогрессисты?

Всѣмъ извѣстны заслуги славянофильства предъ Россіей. Ближайшее участіе славянофиловъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, состоявшемъ въ прямой связи съ издавна существовавшей у нихъ программой, не подлежитъ сомнѣнію: они требовали освобожденія крестьянства съ землею. Въ восточномъ вопросѣ они стояли также за освобожденіе славянскихъ народовъ отъ ига мусульманъ. Славянофилы приняли такимъ образомъ въ поступательномъ движеніи Россіи весьма дѣятельное и полезное участіе. Почему-же ихъ теперь обвиняютъ въ желаніи поворотить назадъ? Не на недоразумѣніи-ли построены всѣ эти обвиненія? Въ то время, какъ западники искали своего идеала въ будущемъ, славянофилы обратили свои взоры на прошлое Россіи. Славянофильское ученіе похоже въ этомъ отношеніи на романтизмъ, возникнувшій въ запад-

ной Европѣ. Гнетъ, безначаліе, произволъ всякаго рода — сдѣлали то, что славянофилы подобно романтикамъ, обратили свои взоры на прошлое своей страны и въ этомъ прошломъ думали найти ту обѣтованную землю и тѣ начала, которыми можно уврачевать больное человѣчество. Историческая теорія ихъ, находящая, что въ до-Петровской Руси сосредоточивалось все хорошее, и что съ воцареніемъ Петра является насильственное начало, — не выдерживаетъ критики.

До-Петровская Русь не была похожа на ту идиллію, которую рисуютъ славянофилы. Насильственность, въ которой упрекаютъ Петра, была и прежде въ русской жизни. По словамъ самыхъ царей (Михаила Ѳедоровича) въ городахъ воеводы всякія дѣла дѣлаютъ не по указу и всякимъ людямъ *чинятъ насильства* и убытки всякія, и посулы и т. д. (Дитятинъ, Верховная власть въ Россіи, Русская Мысль 1881, IV.) Между тѣмъ въ отсутствіи насилія славянофилы полагали основу своего ученія. „Грустно подумать, говоритъ Хомяковъ о Петрѣ Великомъ, что тотъ, кто такъ живо и сильно понялъ смыслъ, кто поработилъ вполнѣ ему свою личность, не вспомнилъ въ то-же время, что тамъ только сила, гдѣ любовь, а любовь, только тамъ, гдѣ личная

свобода.“ Мы не будемъ говорить объ исторической подкладкѣ славянофильскаго ученія, потому что этотъ трудъ потребовалъ бы много времени, а для того, чтобъ опровергнуть историческую основу славянофильства, необходимо былобы написать цѣлую книгу. Мы только возьмемъ нравственную теорію славянофильства.

Въ противоположность правдѣ внѣшней, которая дается закономъ, славянофилы противопоставили принципы о правдѣ внутренней. „Законъ, говоритъ Константинъ Аксаковъ, не требуетъ искренности, не требуетъ, чтобы поступки человѣка были согласны съ его совѣстью, чтобы поступки человѣка были таковые, а не другіе. Его цѣль—устроить такой порядокъ вещей, чтобы душа оказалась ненужною, чуждою, чтобы безъ нея были прекрасные люди, и общество благоденствовало. Налагаясь извнѣ, продолжаетъ онъ далѣе, всякая формула уничтожаетъ силу внутренняго убѣжденія. Никакой механизмъ никогда не замѣнитъ собою свободу творчества.“ Вопросъ значитъ сводится къ неисчерпаемому противорѣчію между нравственною силою и учрежденіями.

Славянофилы говорили, что учрежденія сами собою еще не произведутъ правды, но

они допускали, что учрежденія способны въ значительной степени ограничить зло. Славянофильство признаетъ, такимъ образомъ, отрицательное значеніе учрежденій. Очень характерно мнѣніе славянофиловъ о томъ, что между властью и народомъ должно быть довѣріе. При существованіи довѣрія нѣтъ необходимости въ гарантіи. Въ гарантіи К. Аксаковъ не видитъ обезпеченія отъ зла; гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра. Пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добра, чѣмъ строить съ помощью зла. Вся сила въ идеѣ. Да и что значатъ условія и договоры, коль скоро нѣтъ внутренняго на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи. По мнѣнію славянофиловъ до-Петровская Русь обладала тѣмъ идеальнымъ строемъ, въ которомъ власть и народъ относились довѣрчиво другъ къ другу. Самое общеніе земли съ царемъ покоилось не на договорныхъ граматахъ, а на обычаѣ. Мнѣ кажется, это взглядъ славянофиловъ опровергнутъ самой исторіей. Мы очень хорошо знаемъ, что до Петра собирались земскіе соборы, голосъ земли раздавался свободно, и цари находились въ живомъ общеніи съ народомъ. Явился Петръ, и ему легко было нарушить вѣковой обычай. Обычай — значитъ — не гарантировалъ русскій

народъ; лучше было-бы имѣть какую нибудь гарантію въ томъ, что голосъ народа всегда будетъ выслушанъ царемъ. Наконецъ, исторія опровергаетъ отсутствіе договорности въ отношеніяхъ царя къ народу. Лѣтописецъ не поставилъ-бы такихъ словъ, какъ „правда и ряда,“ всегда въ древнемъ языкѣ означавшихъ право и порядокъ, уговоръ или договоръ. Значитъ, русское государственное устройство зиждилось не на одномъ только довѣріи. Въ стройной теоріи К. Аксакова внѣшнее право принадлежало государству, внутреннее право — землѣ, неограниченная власть — царю, полная свобода жизни и духа — народу, свобода дѣйствія и закона — царю, свобода мнѣнія и слова — народу,

Дѣйствительно, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ Верховная власть считала нужнымъ до двѣнадцати разъ совѣщаться съ землей, — но потомъ этого совѣта не спрашивали. А какимъ другимъ путемъ могло совершиться свободное общеніе царя съ народомъ посредствомъ свободнаго слова и мысли, о которомъ говоритъ К. Аксаковъ? Несомнѣнно и то, что въ древнемъ русскомъ бытѣ было много задатковъ человѣчности, которая такъ блестяще проявилась въ періодъ кіевскій; чудный мономаховъ законъ: „ни праваго, ни виноватаго

не повслѣвай(та) те убить“ замѣнился не только на дѣлѣ, но и въ теоріи, цѣлымъ богатымъ запасомъ казней.

Къ чему послужило напримѣръ слово Посошкова о томъ, что безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоимъ дѣломъ невозможно порѣшить. Голосъ народа уже не раздавался при Петрѣ. Одно начало „довѣрія“ не спасло народъ отъ крѣпостнаго права. Самый высшій классъ уже не велъ за собою народа. И по мнѣнію славянофиловъ именно въ отсутствіи договора и всякаго закона и заключается спасеніе. Какимъ образомъ случилось то, что безъ содѣйствія власти высшее сословіе деморализировалось и изжилось? Факты прямо противорѣчатъ этому идеальному взгляду. Мы знаемъ царствованіе Іоанна Грознаго, знаемъ поборы, волокиты, знаемъ наконецъ установленіе крѣпостнаго права. Значитъ, не все въ до-Петровской Руси обстояло благополучно, Но говорить объ этомъ подробно не будемъ. Мы беремъ вѣдь только этическую, нравственную сторону славянофильскаго ученія въ примѣненіи къ настоящей злобѣ дня. Первоучители славянофильства обладали широкимъ взглядомъ, геніальнымъ умомъ, и видя нынѣшнюю жизнь, они многое-бы измѣнили въ своей теоріи. Тогда какъ нынѣшніе западники

и славянофилы — ужасные рутинеры и подражатели. Тогда было время такое, что только можно было создавать стройную теорію, оторванную отъ жизни и лишенную всякой исторической основы. По настоящее время—другое. Хомяковъ и Бѣлинскій отказались-бы навѣрное отъ многаго въ своихъ теоріяхъ и навѣрное бы измѣнили свою программу. Жизнь не знаетъ строгихъ граней, прямолинейности, а требуетъ иногда и кривой линіи. Прямолинейные западники такъ же противны мнѣ, какъ и прямолинейные славянофилы. Мы имѣемъ много доказательствъ тому, что Хомяковъ обладалъ большою широтою взгляда, давшаго-бы ему возможность понять настоящее положеніе и отнестись объективно. Глубоко религіозный человѣкъ, Хомяковъ мирился съ прямымъ и открытымъ невѣріемъ. Онъ сочувствовалъ Шеллею. Въ своемъ отзывѣ о Вольтерѣ онъ говоритъ, что Вольтеръ былъ противъ ложнаго христіанства; *въ дѣлѣ-же Каллиса, въ дѣлѣ двухъ молодыхъ людей, осужденныхъ за богохульство и во многихъ другихъ случаяхъ онъ былъ болѣе христіанинъ, чѣмъ его противники.* Руссо, прибавляетъ Хомяковъ, — и подавно. О внутреннемъ состояніи Россіи онъ говоритъ: Въ судахъ черно неправдой черной

И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Значитъ, славянофилы не ошиблись въ своихъ сужденіяхъ о Россіи и ясно видѣли положеніе вещей, которое было создано деспотизмомъ.

Мы изложили вкратцѣ ученіе первоначальныхъ славянофиловъ для того, чтобъ имѣть путеводную нить при изслѣдованіи ученія послѣдователей славянофильства. Я говорю именно о газетѣ „Русь“ и о Достоевскомъ. Всѣмъ извѣстно, что старое славянофильство раздѣлилось на фракціи. Одна фракція представляется газетой „Земство“ и журналомъ „Русская мысль.“ О нихъ мы не будемъ говорить. Мы возьмемъ въ нашемъ изслѣдованіи сначала Достоевскаго, какъ онъ высказался въ своемъ „Дневникѣ Писателя.“ Въ обсужденіи теоріи Аксакова и газеты „Русь“ намъ предстоятъ большія трудности. Необходимость срочной работы заставляетъ почтеннаго публициста впадать въ противорѣчія съ самимъ собою и говорить совершенно не то, что онъ думалъ нѣсколько времени тому назадъ. Ученію Достоевскаго нельзя отказать въ мечтательности. Онъ, какъ поэтъ, видѣлъ людей не

такими, какими они являются на самомъ дѣлѣ, а такими, какими онъ ихъ представлялъ себѣ въ далекомъ будущемъ. А поэтому, вмѣсто опредѣленной программы онъ набрасывалъ идиллію. Исходя изъ той мысли, что Петербургъ не Россія и что надо „оздоровить корни," онъ совѣтуетъ прежде всего „опросить народъ." Онъ говоритъ, что народъ можно спросить по мѣстамъ, по уѣздамъ, по хижинамъ, ибо народъ нашъ, и по мѣстамъ сидя, скажетъ точь въ точь, что сказалъ бы весь вкупѣ, ибо онъ единъ; надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно одинъ только мужикъ, одинъ только „заправскій мужикъ." Но спрашивается, какъ это сдѣлано, и чрезъ кого будутъ опрашивать народъ? Черезъ исправниковъ или черезъ комиссіи, которыя будутъ похожи на тѣ, которыя посылались въ Россію и издавали труды. Народъ русскій, по мнѣнію Достоевскаго, православенъ и живетъ идеей православія, онъ живетъ въ единеніи во имя Христа. Достоевскій имѣетъ такую-же боязнь предъ гарантіями, какъ и первоучители славянофильскаго ученія. Всякая гарантія ему, какъ поэту, претитъ. Онъ слишкомъ честенъ для того, чтобъ умолчать о томъ, что при недостаткѣ всякихъ гарантій у русскаго народа ввели чуть-ли не два

десятка начальственныхъ чиновъ, спеціально къ нему опредѣленныхъ, къ нему приставленныхъ, его оберегающихъ. Бѣдному человѣку и безъ того всѣ и всякій — начальство, а тутъ еще двадцать штукъ спеціальныхъ. Свобода движенія равно какъ у мухи, попавшей въ тарелку съ патокой.“

Царь, по мнѣнію Достоевскаго, это идея, созданная вѣками. Царь для народа — не внѣшняя сила, не всякій какой нибудь, а всенародная, всеобъединяющая сила, которую самъ народъ восхотѣлъ, которую выростилъ въ сердцѣ своемъ, которую возлюбилъ, за которую претерпѣлъ, потому что только отъ нея одной ждалъ исхода своего изъ Египта. Для народа царь есть воплощеніе его самого. Всѣ его идеи, надежды и вѣрованія связаны съ нимъ. Да вѣдь это отношеніе народа къ царю какъ къ отцу, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть у насъ настоящее адамаитово основаніе, на которомъ можетъ зиждиться и созидается вся реформа. „Я говорю, читаемъ у Доловскаго, *про нашъ русскій соціализмъ, цѣль исходная котораго — всенародная вселенская церковь, осуществленная на землѣ, поколику земля можетъ вмѣстить ее;* я говорю про неустанную жажду въ народѣ русскомъ, всегда въ немъ присущую, великаго, всеобщаго, все-

народнаго, *всебратскаго единенія во имя Христа*. Не въ коммунизмѣ, не во многихъ формахъ, заключается соціализмъ народа русскаго. Онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христово.“ Достоевскій выражается о народѣ слѣдующимъ образомъ: „Я желалъ-бы только, чтобы поняли безпристрастно, что я лишь за народъ стою. Прежде всего въ его великія силы, которыхъ еще изъ насъ никто не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ, я какъ въ святыню вѣрую, главное — въ спасительное ихъ назначеніе, въ великій народный охранительный и зиждительный духъ, — и жажду лишь однаго: да узрятъ ихъ всѣ. Только что узрятъ, тотчасъ-же начнутъ понимать и все остальное.“

Въ народѣ Достоевскій видитъ весь центръ тяжести. Въ народномъ единеніи во имя Христа онъ видитъ самое лучшее государственное устройство. Совершенно ошибочно называли Достоевскаго реакціонеромъ или обскурантомъ. О просвѣщеніи Достоевскій говоритъ: Будь у насъ настоящее, заправское просвѣщеніе, то и разъединенія у насъ не произошло-бы вовсе, потому что и народъ просвѣщенія жаждетъ.

Свобода, о которой онъ мечталъ для Рос-

сіи, гораздо шире западно-европейской свободы. У насъ гражданская свобода можетъ водвориться самая полная, — полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже Сѣверной Америкѣ. А именно, на этомъ-же адамантовомъ основаніи она созиждится. Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждится лишь на дѣтской любви народа къ царю. И въ концѣ концовъ онъ предлагаетъ царю оказать довѣріе народу.

Изъ этого очерка теоріи Достоевскаго мы видимъ, что Достоевскій врагъ всякихъ хартій и договоровъ. Но мы уже сказали раньше о томъ, что недостатокъ договорныхъ началъ привелъ именно Россію къ крѣпостному праву, ко всякому произволу, и потому мы не будемъ отдѣльно возражать Достоевскому.

Въ такомъ-же духѣ выражается и Аксаковъ Сражаясь противъ конституціонныхъ идей, Аксаковъ говоритъ о томъ, что надо избѣгать лжи народа. По его мнѣнію все, что вышло изъ народа въ качествѣ его представителей и возвышается надъ нимъ, — является лже-народомъ. Все, что отказалось отъ этого духовнаго единенія съ народомъ, по его мнѣнію — лже-народъ. Онъ постоянно противуставляетъ интеллигенцію народу. Но мы спросимъ Акса-

кова: считаетъ-ли онъ народомъ тѣхъ, которые побывали въ Петербургѣ, облеклись въ жакетки и отказались отъ народнаго костюма? Мы даже знаемъ изъ опыта, какъ указано въ очень хорошей статьѣ, напечатанной въ „Историческомъ Вѣстникѣ," что пѣсенное творчество народное въ настоящее время искажается, старыя пѣсни забываются, созидаются новыя, навѣянныя столь ненавистною Аксакову Петровскою культурой.

Но мы взяли только одинъ пунктъ Аксаковскаго ученія. Разберемъ первый номеръ „Руси," въ которомъ онъ выставилъ свою политическую программу. Прежде всего насъ поражаютъ противорѣчія, въ которыя впадаетъ талантливый писатель. Онъ говоритъ: народъ вполнѣ хранилъ и соблюдалъ вѣру въ свой историческій идеалъ верховной власти, сквозь всѣ испытанія, сквозь всѣ перевороты и недоразумѣнія, которыми въ особенности богатъ былъ знаменитый восемьнадцатый вѣкъ.

Онъ признаетъ только двѣ силы: народа и царя. Союзъ этихъ двухъ державъ, какъ онъ ихъ называетъ, такой жизненный фактъ, такое историческое данное, съ которымъ независимо отъ своихъ личныхъ симпатій и влеченій долженъ считаться всякій серьезный мыслитель, тѣмъ паче позитивистъ и исповѣдующій прин-

цинъ верховной народной воли. Немного далѣе онъ говоритъ уже совершенно другое. *Несомнѣнно одно*, говоритъ онъ о народѣ, *что оставить мѣсто, разойтись врозь, было постоянною, сплошною, иногда исполнимою угрозою правительству не только отъ черныхъ волостей и селъ, но и отъ жителей городовъ.* Спрашивается, гдѣ-же союзъ этихъ двухъ державъ, когда одна сторона постоянно уходила и угрожала своимъ уходомъ другой державѣ. Аксаковъ не отступаетъ отъ первоучителей славянофильства въ томъ, что онъ не желаетъ ни гарантій, ни договоровъ, а основываетъ на обычаяхъ, на внутреннемъ правѣ. Но изъ подъ его пера проскользнула слѣдующая вещь: „личное-же рабство крестьянъ вовсе не имѣлось въ виду при изданіи этого знаменательнаго указа; оно возникло постепенно, само собою, при беззащитности населенія, при благопріятныхъ для помѣщиковъ условіяхъ, и развилось по преимуществу въ восемьнадцатомъ вѣкѣ.“ Значитъ, обычное право, единеніе царя съ землею, которое такъ восхваляетъ Аксаковъ, не помѣшало тому, что личное рабство обратилось, въ теченіи времени, въ рабство сугубое. Восхваленіе Іоанна Грознаго за то, что онъ совѣщался съ выборными людьми и забвеніе, которое налагается на факты произ-

вола, которыми онъ ознаменовалъ свое царствованіе можно считать большой натяжкой со стороны г. Аксакова. Отворачиваясь отъ злобы дня, Аксаковъ стремится весь вопросъ сосредоточить во внутреннемъ сознаніи. Учрежденіе, по его мнѣнію, не является гарантіей, а таковою является внутреннее сознаніе человѣка, и онъ выставляетъ необходимость, прежде чѣмъ вѣнчать зданіе, подумать объ уѣздѣ. Наша обязанность, говоритъ онъ, рѣшить этотъ вопросъ для себя самихъ, въ нашемъ сознаніи. Было-бы даже по меньшей мѣрѣ странно, еслибы правительство, слыша безпрестанно наши собственные вопли и жалобы на безурядицу, обратилось къ намъ за совѣтомъ, а у насъ ни у кого даже готоваго отвѣта не нашлось. Самъ онъ говоритъ дальше о томъ, *что земское управленіе было испорчено тѣмъ, что къ волостному управленію пристегнули исправниковъ и становыхъ, обратившихъ его въ ничто.* Но въ другомъ мѣстѣ той-же самой газеты встрѣчаются слѣдующія многозначительныя слова. „*Десять лѣтъ тому назадъ земства всѣхъ губерній, по приглашенію правительства, выработали основы ея, а все еще мы сидимъ у моря и ждемъ погоды.*“

Въ тойже самой газетѣ помѣщено письмо

человѣка, очевидно знающаго Россію, и который на эту работу въ собственномъ сознаніи отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Но чтобы на вашъ кличъ явились люди серьезные, надо, чтобъ они были увѣрены или по крайней мѣрѣ увѣрились, что ихъ трудъ не пропадетъ даромъ, что это не будетъ простымъ бумагомараніемъ. Трудъ не можетъ быть серьезенъ и охотенъ, когда трудящійся не вѣритъ въ пользу своего труда. Дайте намъ эту увѣренность или надежду, и многіе откликнутся вамъ и откликнутся горячо. Но мы извѣрились. У насъ пропадаетъ надежда, и живется намъ поэтому гадко, вяло и плачевно, а что всего хуже, — эгоистично. Мы хотимъ зари, но какъ-то ужъ такъ долго ждемъ, что сомнѣваемся въ ея появленіи. Словомъ, дайте намъ надежду на жизнь, и работа закипитъ, — работа живая и плодотворная.“

На это Аксаковъ опять отсылаетъ своего опонента къ внутренней работѣ надъ самимъ собою. Но намъ интересно спросить его, почему по отношенію къ крѣпостному праву Черкасскій, Самаринъ и др. поступили совершенно на оборотъ. Они не дожидались того, чтобы крѣпостное право рушилось въ нашемъ внутреннемъ сознаніи, а прямо приступили

къ уничтоженію вѣковой неправды и надѣлали крестьянъ землею, обставивъ это массою законовъ и тѣми гарантіями, отъ которыхъ такъ открещивается Аксаковъ. Интересно знать, когда осуществилось-бы уничтоженіе крѣпостнаго права, если-бы мы всѣ дожидались того просіянія въ нашемъ внутреннемъ сознаніи, о которомъ говоритъ Аксаковъ.

Наконецъ, мы имѣемъ и другое возраженіе противъ теоріи г. Аксакова, будто надо усовершенствовать себя самихъ, и что всякія формы и гарантіи — пустяки, которыми можетъ удовольствоваться Европа, но изъ которыхъ мы совершенно выросли. Онъ даже въ своей рѣчи назвалъ это обносками Европы. Мы приводимъ на память г. Аксакову то, что пишется въ его собственной газетѣ о земскомъ самоуправленіи. Въ № 14 говорится о ненормальности нынѣшняго строя, при которой администрація въ уѣздѣ является въ совершенно невозможной роли, противясь земству и такимъ образомъ *парализуя всю земскую работу*, и высказывается та мысль, что до тѣхъ поръ, *пока земство не получитъ въ свое завѣдываніе всю государственную платежную тяжесть*, ложащуюся на уѣздѣ, *немыслимо не только развитіе и правильная постановка*

земскаго дѣла, но даже повидимому простая вещь, какъ привлеченіе къ земской работѣ крестьянской массы, сильно затрудняется. Значитъ опять необходимъ законъ и извѣстная гарантія въ томъ, чтобы крестьянская масса могла невозбранно воспользоваться своими правами. Въ этой-же статьѣ очень краснорѣчиво говорится о злоупотребленіяхъ исправника, губернатора, и выставляются причины, по которымъ земское самоуправленіе не можетъ удаться. Значитъ, не въ отсутствіи охоты къ черной работѣ заключается нашъ грѣхъ, а въ томъ, что извѣстныя учрежденія прямо мѣшаютъ плодотворности этой черной работы. Авторъ статьи о земствѣ отрицаетъ прямо цѣлесообразность нынѣшнихъ земскихъ учрежденій въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ онѣ явились. Онъ видитъ въ этомъ только излишнія траты для крестьянъ и больше ничего, и противуставляетъ этому казачье самоуправленіе, говоря, что истинное самоуправленіе не мирится съ мнимымъ.

Въ другомъ мѣстѣ г. Аксаковъ говоритъ, что русскій народъ умѣетъ умереть, но не умѣетъ жить. Умѣть жить это значитъ — умѣть обладать своей волей, дѣйствовать не только по внезапному наитію чувствъ, порывами, но — по ясно сознанной программѣ,

твердо, настойчиво, постепенно двигаясь къ цѣли, наполняя до краевъ весь объемъ доступнаго въ данную минуту — дѣятельностью и не растрачивая разомъ всего запаса силъ. Иллюстраціей къ этому наставленію русскому обществу г. Аксаковъ приводитъ нашу дѣятельность въ сѣверо-западномъ краѣ. Приведемъ-же мы тоже въ подтвержденіе, ту дѣятельность, которую высказало русское общество при разрѣшеніи восточнаго вопроса. Мы скоро остываемъ, говоритъ г. Аксаковъ. Но надо увидѣть настоящую причину тому, что люди сильные скоро отказываются отъ настоящаго дѣла, отъ черной работы. Г. Аксаковъ совершенно справедливо приводитъ дѣятельность Милютина въ Польшѣ. Мы укажемъ ему на талантливую и замѣчательную статью Леруа-Болье о дѣятельности этого государственнаго мужа. Всѣ лучшія его стремленія и громадная энергія тратились на борьбу съ мѣстной камарильей и съ властью въ центральномъ правительствѣ. Въ восточномъ вопросѣ г. Аксаковъ могъ самъ видѣть, на сколько общественная инициатива тормозилась внѣшними обстоятельствами, на сколько этотъ порывъ оказать пользу встрѣчало противодѣйствіе въ тѣхъ внѣшнихъ факторахъ, о которыхъ съ такой любовью говоритъ г. Акса-

ковъ. Эта проповѣдь о внутренней правдѣ и о томъ, что не надо избѣгать черной работы, о томъ, что надо работать надъ собственнымъ сознаніемъ, — проповѣдь, не безполезная во всякомъ случаѣ, и къ ней надо постоянно обращаться. Но надо проповѣдывать это, имѣя въ виду и другія стороны вопроса. Не во всемъ общество виновато. Если въ насъ есть цѣлое невозмутимое царство лѣни и эгоизма и дряблая привязанность къ комфорту, то надо сказать и то, что существующія формы жизни значительно способствуютъ развитію именно этихъ самыхъ инстинктовъ въ обществѣ, а не что нибудь другое. Всякая альтруистическая дѣятельность встрѣчала бы отпоръ въ руководящихъ факторахъ государственной жизни. Вотъ почему труды Милютина, Черкасскаго, а затѣмъ труды Славянскаго Комитета въ славянскомъ вопросѣ потерпѣли такія пораженія. Вотъ отчего крестьянская реформа, задуманная широко привела къ обѣдненію крестьянъ и къ извращенію смысла самой реформы. Самъ-же г. Аксаковъ говоритъ въ своей статьѣ, что продолжительное управленіе генерала Потапова было самаго деморализующаго свойства. Лучшіе русскіе дѣятели были сдвинуты съ своего мѣста, хорошіе были смѣшаны съ дурными, всѣ равно прикрыты позоромъ.

Самъ руководитель этой политики громко выражалъ свое презрѣніе къ нравственнымъ качествамъ русскихъ людей и однажды при многолюдномъ собраніи въ святодуховскомъ монастырѣ открыто заявилъ, что будучи „начальникомъ третьяго отдѣленія, онъ хорошо изучилъ и русскую честность и русское благородство.“ Въ томъ-то и дѣло, что люди, изучившіе на такомъ важномъ административномъ постѣ, какъ третье отдѣленіе, Россію, являются въ извѣстныя историческія минуты и мѣшаютъ плодотворному вліянію другихъ людей, подобныхъ Милютину, Черкасскому. Но то, что можетъ выдержать еще человѣкъ даровитый, поставленный высоко довѣріемъ власти, то уже немыслимо для скромныхъ тружениковъ. Тѣ просто обращаются въ бѣги и уходятъ отъ дѣла, которое имъ несимпатично. Въ этомъ винить ихъ никакъ нельзя.

Въ проповѣдяхъ Аксакова, Достоевскаго и другихъ славянофиловъ есть здоровое зерно. Они говорятъ о служеніи народу, о внутренней правдѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что не ища правды, русскій народъ не найдетъ въ учрежденіяхъ той пользы, которую они могутъ ему дать при искреннемъ и при честномъ отношеніи къ самому себѣ. Всякіе учрежденія и законы и гарантіи имѣютъ свойство видоизмѣняться

подъ вліяніемъ общественной нравственности. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы законы, учрежденія и гарантіи являлись излишними въ жизни народа. Видя идеальный строй позади себя, въ древней Руси, и новый идеальный строй впереди себя, въ далекомъ будущемъ, гг. Аксаковъ и Достоевскій совершенно забываютъ о настоящемъ. Они забываютъ то, что исторія имѣетъ дѣло съ людьми, а не съ ангелами, и что пока водворится на землѣ царствіе Христа, о которомъ повѣствуетъ Достоевскій, люди успѣютъ сдѣлать много вреда другъ другу. Извѣстныя общественныя формы обязательны для того, чтобы людямъ, ищущимъ внутренней правды, былъ просторъ для ихъ самоотверженной дѣятельности. Необходимо, чтобы силы Милютиныхъ, будущихъ Милютиныхъ и темныхъ, скромныхъ дѣятелей не пропадали даромъ. На знамени Аксакова написано: будьте людьми, и тогда все перемѣнится; а надо сказать: будьте людьми, а то и учрежденія не помогутъ вамъ. Но долгъ обязываетъ г. Аксакова сказать, что учрежденія необходимы какъ орудіе борьбы противъ зла. На знамени ихъ написано: свобода, просвѣщеніе, любовь къ народу. Но эти избѣгаютъ формъ, а безъ формъ никуда не уйдешь. Первоначальные славянофилы допускали под-

ную свободу печати. Но надо сознаться, что одна свободная печать ничего тутъ не поможетъ. Я не хочу этимъ сказать, что свобода печати не нужна. Но печать фатально должна распространять ложь тамъ, гдѣ она служитъ единственной выразительницей общественнаго мнѣнія. Тамъ, гдѣ съ напсвободнѣйшей печатью не слышно мнѣнія независимыхъ людей и правильно избранныхъ уполномоченныхъ отъ общества, тамъ печать сдѣлается выразительницей мнѣнія нѣсколькихъ кружковъ или единичнаго мнѣнія талантливаго редактора. Славянофильство требуетъ вѣдь только свободы печати, а объ остальномъ и не заботится. Въ этомъ — по моему — громадная ошибка ученія. Если нѣсколькимъ выдающимся газетамъ предоставить свободу мыслить и говорить то, что имъ нравится, то это обратится въ монополію, право нѣсколькихъ редакторовъ вѣщать истину. Независимый голосъ не будетъ тогда услышанъ ни властью, ни обществомъ и выйдетъ изъ всего этого только ложь сугубая. Свободная печать одна, безъ соотвѣтствія ея съ другими учрежденіями страны, не можетъ обновить государственнаго зданія и не можетъ уврачевать зла, отъ котораго мы страдаемъ.

Живое общеніе царя съ народомъ — излюбленное выраженіе г Аксакова. Но мыслимо-

ли оно при существованіи бюрократической казенщины, о которой онъ также краснорѣчиво говоритъ. Откуда мы возьмемъ элементы, чтобы вдругъ переродиться и вдругъ войти въ живое общеніе съ народомъ. Достоевскій въ своемъ „Дневникѣ“ говоритъ о томъ, чтобы опросить народъ. Мы уже говорили о томъ, что это немыслимо при настоящемъ бюрократическомъ строѣ. Приведемъ въ примѣръ австрійскихъ крестьянъ, которые теперь открыто выражаютъ свое мнѣніе и даже посылаютъ депутаціи къ Императору, потому что австрійское крестьянство воспользовалось тѣми формами, которыя ему дала конституціонная жизнь Австріи. Нехорошую игру играетъ г. Аксаковъ, рисуя русскому люду идиллію въ будущемъ, т. е. журавля въ небѣ. Это вилянье не достойно его таланта. Лучше дайте синицу въ руки и начните дѣлать что нибудь. Достоевскій говоритъ въ своемъ „Дневникѣ,“ что европейскіе народы, когда до нихъ доходила очередь въ первый разъ совѣтъ сказать, стукались лбами другъ о другѣ въ темнотѣ. Но потомъ они оправлялись скоро и выступали на дорогу твердо, конечно — не безъ предварительныхъ шишекъ на лбу. Достоевскій этимъ намекаетъ на французскую революцію и на другія революціи, черезъ ко-

торыя прошла Европа. Но онъ самъ говоритъ, что они вступили на твердую дорогу и скоро оправились. Онъ однако не хочетъ постигнуть того, что безъ этого начала нельзя опереться на народъ и выйти на твердую дорогу. Нельзя выучиться плавать тому, который не видѣлъ воды. Въ своей рѣчи, которую сказалъ г. Аксаковъ въ славянскомъ благотворительномъ комитетѣ, онъ опять возвращается къ излюбленной мысли о томъ, что не нужно никакихъ договоровъ, что наше самоуправленіе—самое широкое въ Европѣ, и что въ этомъ-же самоуправленіи примѣнено самое широкое избирательное начало. Это пустяки, но мы не можемъ не замѣтить почтенному оратору, что онъ, должно быть, забылъ совершенно то, что писалось въ его-же газетѣ о томъ, что избирательное земское право покоится на совершенно ложномъ основаніи, и что земство въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ, не представляетъ собою крестьянства. Въ этой-же самой газетѣ онъ говоритъ о томъ, что нельзя разрѣшить вопроса о государственномъ устройствѣ страны, не спросившись народа. Мы ничего не имѣемъ противъ этого возраженія; мы напротивъ находимъ, что такъ и слѣдуетъ поступить при разрѣшеніи такаго важнаго вопроса. Созовите

земскій соборъ, который-бы представлялъ собою весь народъ въ его совокупности, и спросите его насчетъ того, что нужно сдѣлать въ Россіи. Но этого вывода вы не встрѣтите ни въ рѣчи, ни въ статьяхъ г. Аксакова. Онъ только отвергаетъ всякія гарантіи, договоры, и въ этомъ — мнѣ кажется — его громадная ошибка. Вмѣсто общихъ выраженій г. Аксакову слѣдовало бы поставить ребромъ вопросъ о земскихъ соборахъ, объ этой излюбленной формѣ общенія царя съ народомъ, о которой такъ много говорятъ славянофилы. Куда-же дѣнется тогда теорія о внутренней правдѣ, о самоусовершенствованіи? Эта теорія — по моему — будетъ плодотворна, сослужитъ великую службу, когда вы вернетесь къ земскимъ соборамъ. Тогда, господа, смѣло проповѣдуйте противъ формализма учрежденій, громите фарисеевъ, Солтуновъ, привлекайте ихъ къ отвѣту, и вы сдѣлаете полезное и великое дѣло. Вы, господа, противъ гарантій и договоровъ, вы видите все спасеніе въ живомъ общеніи, безъ участія всякихъ учрежденій. Приведу для васъ мнѣніе Александра I въ его отвѣтѣ госпожѣ Сталь, сказавшей ему, что — по ея мнѣнію — въ его характерѣ уже есть конституція, и что совѣсть его — лучшая гарантія для имперіи. „Если-бъ это было такъ,

отвѣтилъ императоръ, я все таки былъ-бы только счастливой случайностью.“ Вотъ что должны помнить послѣдователи Аксакова и Достоевскаго. Ихъ ученіе возвышенно. Но ученіе Христа было еще возвышеннѣе, и однако оно не помѣшало ни инквизиціи, ни папству, ни торговлѣ неграми. Инквизиція и торговля неграми изчезли только потому, что законы санкціонировали то, что было сознано лучшими людьми, меньшинствомъ, не дожидаясь того блаженнаго времени, когда всѣ инквизиторы, всѣ рабовладѣльцы поймутъ свое безправіе. Мы тоже не дожидались, какъ я сказалъ раньше, того, чтобы всѣ помѣщики обратились въ идиллическихъ благодѣтелей душъ и творили-бы судъ и расправу по собственной совѣсти, а мы съ корнемъ вырвали это учрежденіе и обставили свободу крестьянъ гарантіями.

Изъ этого краткаго разбора читатель уразумѣетъ, что историческая основа славянофильства не подтверждается фактами; что нравственное ученіе славянофильства возвышенно и можетъ быть полезнымъ факторомъ въ поступательномъ движеніи русскаго народа. „Требуй себя къ отчету,“ говорятъ Достоевскій и Аксаковъ. Когда соберется земскій соборъ, то эти слова нужно начертить золотыми

буквами въ залѣ засѣданія. Эти слова должны служить путеводной звѣздой всѣхъ русскихъ людей. Но необходимо при этомъ, чтобы русскіе люди имѣли случай узрѣть эти слова и дѣйствовать въ союзѣ съ народомъ.

III.

Революціонная партія.

Соціализмъ на западѣ возникъ на исторической почвѣ. Послѣ блестящихъ побѣдъ третьяго сословія надъ аристократіей, фатально долженъ былъ возникнуть вопросъ о правахъ четвертаго сословія, о правахъ рабочихъ на участіе въ государственной дѣятельности, на болѣе сносную жизнь и на болѣе справедливое вознагражденіе за трудъ. Школа политико-экономистовъ давала рабочимъ только право и свободу трудиться или умереть съ голоду и говорила о томъ, что все обстоитъ благополучно. Соціализмъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока въ мірѣ будутъ обдѣленные, обиженные въ жизни, пока будутъ голодные и сирые. Наука въ лицѣ Лассаля, Маркса и другихъ экономистовъ пришла на помощь обдѣленнымъ массамъ. Явились разныя производительныя и потребительныя ассоціаціи. Но всѣ сознали, что этотъ вопросъ еще далекъ до

своего разрѣшенія. Бисмаркъ съ прозорливостью истиннаго государственнаго человѣка понялъ опасность соціальнаго движенія и пошелъ къ нему на встрѣчу. Онъ уже въ 1865 г. сталъ на сторону рабочихъ въ спорѣ ихъ съ фабрикантами и вызвалъ сильные нападки либеральной буржуазной партіи. Министерство вмѣстѣ съ консерваторами въ вопросѣ о рабочихъ сообществахъ пожелало разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу рабочихъ при сильнѣйшемъ сопротивленіи со стороны либераловъ и прогрессистовъ. Либеральный позитивистъ Твестенъ воскликнулъ тогда, что консервативная партія покровительствуетъ коммунистической агитаціи и желала бы соединиться съ крайней лѣвой, чтобы побороть либераловъ. Бисмаркъ сдѣлалъ еще больше: онъ допустилъ къ королю депутацію рабочихъ съ фабрикъ Рейхенгейма (либерала) и король далъ имъ нѣкоторую сумму денегъ для основанія ассоціаціи. Это вызвало страшную бурю въ либеральномъ лагерѣ. Рейхенгеймъ обозвалъ Бисмарка устроителемъ политическихъ пуфовъ. Въ замѣчательной рѣчи отвѣчалъ Бисмаркъ на упреки за допущеніе депутаціи къ королю и высказалъ свой взглядъ на этотъ вопросъ. „По какому праву, спрашиваю я,—сказалъ онъ,—преградилъ бы я этимъ людямъ путь

къ трону? Изъ того, что я слышалъ изъ вчерашняго заявленія господина депутата, мнѣ почти кажется, что король нуждается въ оправданіи передъ нимъ, когда преклонитъ ухо къ голосу бѣдности. Но прусскій король никогда не былъ предпочтительно королемъ богатыхъ. Уже Фридрихъ Великій, будучи кронпринцемъ, сказалъ: „Quand je serais roi, je serai un vrai roi de gueux", „королемъ сволочи" и онъ принялъ на себя защиту бѣдности. У трона нашихъ королей всегда были выслушиваемы и находили прибѣжище страданія, рождающіяся при такихъ условіяхъ, гдѣ писанный законъ становится въ противорѣчіе съ естественными человѣческими правами. Наши короли осуществили это освобожденіемъ крѣпостныхъ, они создали цвѣтущее крестьянское сословіе. Можетъ быть имъ удастся — серьезныя стремленія къ тому на лицо — помочь улучшенію быта рабочихъ. Но заграждать жалобамъ рабочихъ доступъ къ трону, по моему мнѣнію, — путь неправильный и я не имѣю къ тому призванія. Можно было бы, пожалуй, предложить вопросъ, какъ богата должна быть депутація, чтобы пріемъ у короля не произвелъ на господина Рейхенгейма впечатлѣнія пуффа." (Reden. изд. 1870 г. Т. I, стр. 117 и далѣе). Еще недавно онъ при-

ступилъ къ развитію своей программы передъ лицемъ всей Европы. Нельзя не сочувствовать этому государственному почину великаго канцлера и мы думаемъ, что прозорливая власть должна постепенно исполнить всю программу государственнаго соціализма, поддерживать рабочія ассоціаціи, пещись о здоровьи рабочихъ, объ уменьшеніи рабочихъ часовъ, о томъ, чтобы трудъ рабочихъ не эксплуатировался въ пользу немногихъ избранныхъ. Государство именно должно быть le roi de gueux и въ этомъ его громадное значеніе.

Мы не думаемъ давать здѣсь полную характеристику соціализма, который развивается все шире и шире и навѣрное въ будущемъ найдетъ свое полное осуществленіе. Мнѣ кажется, что всѣ имѣютъ одинаковое право участвовать на трапезѣ жизни.

Строй, въ которомъ небольшое меньшинство утопаетъ въ наслажденіяхъ, въ пресыщеніи отъ богатства и роскоши, а громадное большинство бьется изъ-за куска хлѣба, не можетъ считаться нормальнымъ и подлежитъ коренному видоизмѣненію или насильственному перевороту. Государственные люди Европы должны объ этомъ подумать и приступить къ разрѣшенію этого вопроса, какъ можно скорѣе. Для разрѣшенія этого вопроса еще не выра-

боталась программа. Соціализмъ, какъ ученіе и какъ движеніе, захватывающее всю историческую жизнь, цивилизацію народовъ, имѣетъ массу оттѣнковъ. Есть консервативные соціалисты, соціалисты-демократы, соціалисты христіанскіе, соціалисты государственные, соціалисты католики, Cathedersocialisten. У всѣхъ этихъ ученій есть свой разумъ бытія, потому что они черпаютъ свою силу изъ жизни. Соціалисты-христіане — какимъ мы можемъ считать Достоевскаго — полагаютъ весь вопросъ во внутреннемъ совершенствованіи человѣка и отвергаютъ государственную инициативу. Намъ кажется, правда заключается въ серединѣ. Соціализмъ пускай созрѣваетъ въ сознаніи людей, но и государство не должно сидѣть сложа руки и смотрѣть на это движеніе и потворствовать эксплуатаціи и обниманію рабочихъ. Высшее нравственное чувство, науки со всѣми своими силами, государство и всѣ благомыслящіе люди должны придти на помощь этому законному требованію массъ,— а то будущая цивилизація подвергнется сильному потрясенію и перевороту.

Мы не будемъ разбирать соціалистическихъ ученій, которыя имѣютъ уже свою обширную и подробную литературу. Гадать о тѣхъ формахъ будущаго коммунизма, къ которому при-

ведетъ крайнее развитіе соціалистическаго ученія, по меньшей мѣрѣ преждевременно. Коммунизмъ, какъ онъ представляется нѣкоторымъ первоучителямъ, является, конечно, торжествомъ надъ личностью и индивидуальностью и свободою. То, что рисуется нѣкоторымъ утопистамъ въ видѣ самаго совершеннаго общежитія, врядъ ли найдетъ когда нибудь свое осуществленіе. Жизнь слишкомъ многообразна, сложна и требовательна, чтобы уложиться въ какія нибудь рамки, данныя человѣкомъ, будь онъ Аракчеевъ, или глава Мормоновъ, или мечтатель, устроитель коммунистическихъ казармъ, — не въ этомъ опасность. Смѣло скажемъ, что если когда нибудь водворятся на землѣ фаланстеріи, то онѣ не выдержатъ 50 лѣтъ и разсыплятся въ прахъ и разложатся. Прудонъ, котораго всѣ считаютъ соціалистомъ, говоритъ: „общность, говорите вы, обращается на вещи, но не на лицъ. Позвольте вамъ сказать, что это передержка. Общность или общеніе вещи совершается чрезъ посредство вещи. Предположимъ, что люди не ѣдятъ другъ друга. Общность устанавливается между ними чрезъ пользованіе одними и тѣми же предметами. Такимъ образомъ общность моей комнаты, моей постели, моей одежды, добытой мимо моей воли, дѣлаетъ мою личность общею,

т. е. говоря языкомъ библіи, оскверняетъ и порабощаетъ ее. Тоже должно сказать относительно всего, что касается моего труда, моихъ наклонностей и удовольствій; въ любви, замѣтьте это хорошенько, согласіе необходимо,— на этомъ зиждится общеніе супруговъ. Пусть я буду бѣденъ вслѣдствіе необходимости, или случайности, или по волѣ божіей, я могу покориться, разсуждая, что это касается въ концѣ концовъ только внѣшности моего существа, поверхности моей личности. Покоряясь, я чувствую чрезъ мою покорность, я стою самаго добродѣтельнаго изъ моихъ братьевъ. Но когда первосвященникъ, г. Анфантенъ и его супруга, г. Ламберъ или всякое другое лицо, которыхъ я готовъ уважать, пока имъ угодно будетъ оставаться людьми, позволятъ себѣ таксировать, опредѣлять мое мѣсто подъ солнцемъ, назначить мнѣ порцію, присуждая себѣ милліоны, — я признаю, что это меня возмущаетъ. И если бы я имѣлъ честь жить въ церкви Сенъ-Симона, мое первое движеніе было бы надавать пощечинъ первосвященнику.“ Куда дѣнутся тогда люди, для которыхъ умственный трудъ является потребностью? Леверье, Вирховы, Момсены, Реньоны могутъ заниматься своими глупостями, но только послѣ того, какъ они накололи или наносили дровъ, вспа-

хали извѣстное количество земли, наносили воды — словомъ, послѣ того, какъ они послужили міру.

Золотой вѣкъ! счастливыя времена! когда всякій будетъ вставать, работать, ѣсть, ложиться и опять вставать по звонку, когда каждое его движеніе, каждое слово, поступокъ будутъ контролироваться и обсуждаться міромъ, когда этотъ назойливый міръ будетъ проникать въ тайники его души и касаться самымъ безцеремоннымъ образомъ его святѣйшихъ чувствъ!

Придерживаясь реальныхъ фактовъ, можно сказать, что этого никогда не будетъ. Но могутъ быть потрясенія и перевороты, которые будутъ предприняты людьми для достиженія этихъ утопій. Всѣмъ надо понять, откуда идетъ опасность. Опасность не въ выдуманныхъ общежитіяхъ, которыя рисуются воображенію нѣкоторыхъ утопистовъ, но въ недовольствѣ массъ, въ ненормальности общественнаго строя, дарующаго всѣ свои блага меньшинству и оставляющаго безъ заботъ громадное рабочее большинство.

Соціализмъ, какъ ученіе, подкрѣпляется активнымъ элементомъ, именующимъ себя соціальною революціею. Вотъ программа Международнаго общества рабочихъ. Существен-

ными признаками соціальнаго государства соціальные демократы считаютъ:

1, распространеніе избирательнаго права (съ прямою тайноюподачей голосовъ), на всѣхъ лицъ мужскаго пола, достигнувшихъ двадцати лѣтъ. и опредѣленіе содержанія депутатамъ.

2, введеніе прямаго законодательства, т. е. перенесеніе права иниціативы и санкціи законовъ на народъ. (Этотъ пунктъ очень похожъ на то, что говоритъ Достоевскій объ опросѣ народа, о томъ, что слѣдуетъ опросить народъ на мѣстахъ.)

3, уничтоженіе всѣхъ привилегій, пріобрѣтенныхъ рожденіемъ, принадлежностію къ извѣстному сословію или вѣроисповѣданію.

4, учрежденіе народнаго ополченія вмѣсто постоянной арміи.

5, отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви. (Это уже осуществилось во многихъ мѣстахъ).

6, обязательное элементарное ученіе, даровое обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. (Требованіе вполнѣ законное и разумное).

7, полная независимость судовъ, расширеніе института присяжныхъ, устное и гласное судопроизводство, безвозмедное правосудіе и учрежденіе спеціальныхъ судовъ для промышленныхъ отношеній (Fach Gewerbe-Gericht).

8, отмѣна всѣхъ законовъ о печати, собраній и ассоціацій.

9, установленіе нормальнаго рабочаго дня, ограниченіе женской и воспрещеніе дѣтской работы, устраненіе конкурренціи свободной работы, представляемой рабочими смирительныхъ домовъ.

10, уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и введеніе прямой и прогрессивной подати съ доходовъ и наслѣдствъ.

11, государственное поощреніе и ассоціаціи и государственный кредитъ для свободнаго производительнаго труда подъ демократическою гарантіею.

Мы видимъ, что въ этой программѣ не заключается ничего несбыточнаго и эти вполнѣ законныя и основательныя требованія могутъ быть осуществимы, со временемъ, усиліями государственныхъ людей. Мы знаемъ очень хорошо, что Бисмаркъ приступилъ къ разрѣшенію нѣкоторыхъ пунктовъ этой программы. Но эта программа не отрицаетъ государства. Мы настаиваемъ на этомъ пунктѣ именно въ виду русскаго соціализма.

Россія стояла всегда особнякомъ отъ Европы и, благодаря заботамъ власти о простомъ народѣ, находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ вся Европа. Крестьянство было

освобождено съ землею, — двѣ трети земли принадлежатъ крестьянству. Прирѣзки земли крестьянамъ изъ помѣщичей, или свободной государственной не встрѣтили возраженій. Община, какъ наша національная форма, можетъ развиться въ ширь и глубь и воспользоваться всѣми благами научнаго изслѣдованія. Правительство русское не встрѣтитъ противодѣйствій, если захочетъ ввести необходимыя улучшенія въ бытѣ рабочихъ. Въ „Russische Revue“ былъ приведенъ примѣръ того, что русское правительство на Уралѣ отдала громадные подряды не подрядчикамъ-капиталистамъ, а просто рабочей артели и рабочая артель исполнила работу въ срокъ и получила весь барышъ отъ предпріятія. Общинное и артельное устройства, которыми по справедливости гордится Россія, и помощью правительства способны развиться въ болѣе широкія формы. Что же надо разрушить въ Россіи, что́ должно подвергнуть полному уничтоженію? При доброй волѣ власти, общества, научныхъ силъ и самаго народа — Россія можетъ осуществить (не сейчасъ; но сейчасъ ничего вѣдь не дѣлается на землѣ) соціальное государство, о которомъ говоритъ вышеприведенная программа международнаго союза, а между тѣмъ Россія именно выставила первоучителя

и апостола всеобщаго разрушенія, Бакунина (Laveley, „Revue d. d. Mondes“, 1880). Русскій деспотизмъ породилъ гегельянца Бакунина и въ этой личности далъ міру первоучителя всеобщаго разрушенія.

Русскій юноша долженъ стремиться къ разрушенію государствъ въ цѣломъ мірѣ, говоритъ Бакунинъ („Анархія и государственность“, стр. 302). Онъ требуетъ „разрушенія всѣхъ государствъ, уничтоженія буржуазіи, цивилизаціи, вольной организаціи снизу вверхъ посредствомъ вольнаго союза, организаціи разнузданной рабочей черни, всего освобожденнаго человѣчества, созданія новаго общечеловѣческаго міра, и мы должны слиться съ міромъ разбойниковъ, единственныхъ и дѣйствительныхъ русскихъ революціонеровъ.“ (стр. 391 и 395). „Бросайте всякую науку и бросайтесь въ народный океанъ.“ Есть различіе, — замѣчаетъ профессоръ Градовскій, — съ Лассалемъ, который говоритъ про себя: „я не написалъ ни одной строки, не будучи вооруженъ всѣми знаніями моего вѣка.“ Программа Бакунина идетъ даже дальше программы Лассаля и Маркса, которые все-таки стояли за государство. Въ „Alliance de la democratie“ соціалистъ Бакунинъ говоритъ (1869 г.) о революціонерѣ: „революціонеръ — это человѣкъ, принявшій постриженіе. Въ глу-

бинѣ своего чувства, но не на словахъ, а на дѣлѣ онъ разорвалъ связь съ гражданскимъ порядкомъ, со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, съ признаннымъ въ этомъ мірѣ закономъ, правами, моралью и обычаями. Онъ ихъ непримиримый врагъ, и если онъ продолжаетъ жить въ этомъ мірѣ, то только для того, чтобы вѣрнѣе его разрушить. Революціонеръ ненавидитъ всякое доктринерство и отрекается отъ нынѣшней науки, которую онъ предоставляетъ будущимъ поколѣніямъ. *Онъ знаетъ только одну науку — разрушеніе.* Чтобы дойти до всеобщаго разрушенія (par destruction) необходимо цѣлый рядъ покушеній и смѣлыхъ, даже безумныхъ предпріятій, устраняющихъ сильныхъ міра сего и убѣждающихъ народъ, пока онъ не увѣруетъ въ успѣхъ революціи. Революціонеръ долженъ освободиться отъ всякаго чувства дружбы, любви, родственныхъ привязанностей. Онъ долженъ отдаться весь одной идеѣ и одной страсти — революціи. Онъ долженъ изучать науку только ведущую къ революціи: съ этой цѣлью онъ долженъ изучать медицину, химію и такъ далѣе (Кибальчичъ), для этой же цѣли изучаетъ онъ день и ночь людей, характеры и отношенія. Онъ долженъ готовиться къ смерти и уничтожать тѣхъ, которые являются преградою на его пути (Нечаевъ въ дѣлѣ Ива-

нова). Онъ долженъ пріобрѣсти вліяніе, силу, проникать во всѣ сферы (Перовская). Революціонная ассоціація — говоритъ Бакунинъ— не имѣетъ другой цѣли, какъ полное освобожденіе и благо народа, т. е. чернорабочаго люда. Но признавая, что это благо можетъ быть осуществлено только всеразрушеніемъ, народная революціонная ассоціація приложитъ всѣ силы и средства къ увеличенію народнаго страданія, чтобы наконецъ источить народное терпѣніе и вызвать возстаніе массъ. Что же изъ этого выйдетъ въ концѣ концовъ, когда стихійная сила будетъ предоставлена себѣ самой безъ всякой идеи и безъ всякаго плана? Бакунинъ съ отвращеніемъ говоритъ о западноевропейскихъ революціяхъ, останавливавшихся передъ всякимъ глупымъ преданіемъ и предразсудкомъ. Будущая организація, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія выйдетъ изъ движенія и жизни народной, но это дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло — страшное, полное и всеобъемлющее разрушеніе.“

Мы не будемъ разбирать этой теоріи теперь, а предоставимъ себѣ разобрать ее послѣ, когда дойдемъ до примѣненія этого принципа на практикѣ. Мы спросимъ только, почему именно въ Россіи только могла возникнуть такая теорія? Такое огульное и безпощадное отри-

цаніе извѣстныхъ формъ жизни, цивилизаціи, науки, индивидуальности, является въ тѣ моменты, когда общество томится недовольствомъ съ существующимъ строемъ. Тутъ возникаетъ желаніе бѣжать изъ общества и уничтожить всѣ зачатки цивилизаціи. Восьмнадцатый вѣкъ поклонился дикимъ, отрицая цивилизацію въ лицѣ Руссо, искалъ своего спасенія въ восточныхъ монархіяхъ именно потому, что образованное общество было недовольно существующимъ государственнымъ строемъ во Франціи. Развитіе идеи Бакунина доказываетъ эту самую мысль. Идеи Бакунина воспринимаются тамъ, гдѣ чувствуется ненормальность соціальнаго строя. Въ свободныхъ странахъ идеи Бакунина имѣютъ мало успѣховъ. Въ Швеціи, Норвегіи, гдѣ сельское населеніе (85%) пользуется большимъ благосостояніемъ, онѣ не могли имѣть вовсе успѣха. Въ Бельгіи, Швейцаріи, гдѣ эти идеи проповѣдываются открыто, онѣ встрѣчаютъ полное равнодушіе со стороны общества. Мы знаемъ даже, что тамъ и не читаютъ газетъ, издаваемыхъ фракціей Бакунина; въ Италіи, гдѣ народъ бѣдствуетъ, онѣ имѣютъ многихъ послѣдователей, но и тамъ соціалистическія газеты погибаютъ отъ равнодушія публики и отъ недостатка подписчиковъ. Нѣкоторые изъ этихъ листковъ говорятъ совершенно справед-

ливо и послѣдовательно объ Italie irridente: зачѣмъ вамъ еще новыя провинціи, когда тѣ, которыя есть, погибаютъ отъ мора и голода (la Plebe). Замѣчательно то, что въ Италіи идеи Бакунина выражались устами Мадзини, который говоритъ: „point de pacte avec la maison de Savoie. Mon Dieu est le seul vrai, ce poignard et ces bombes fulminantes sont ses prophètes.“

Въ Испаніи идеи Бакунина процвѣтаютъ; тамъ журналъ „Petroleo“ говоритъ: „Если силы измѣнятъ намъ занять наше мѣсто за трапезой жизни, тогда придетъ мститель, котораго устрашатся привелигированные, — петроль, съ тѣмъ, чтобы не только уничтожить, но и совершать поступокъ высшей справедливости. Нивеллировать все — вотъ что требуетъ оскорбленное чувство пролетарія. Въ Англіи, гдѣ рабочіе организовались въ Trade Union, идеи Бакунина находятъ мало послѣдователей. — Все это доказываетъ намъ, что полная свобода служитъ, если не дѣйствительнымъ, то хорошимъ противоядіемъ противъ разрушителяныхъ теорій Бакунина, что идеи развиваются только тамъ, гдѣ самый общественный строй болѣетъ отъ сильнаго недуга. Вспомнимъ слова Лавеле: „Une revolution politique est devenue facile; une revolution sociale

est inévitable; mais une révolution sociale est unpossible, parcequ'on ne change pas en jour et par la force economique des societés — toutefois il est certain que beaucoup de gouvernements font précisement ce qu'il faut pour provoquer des bouleversements redoutables.

Теперь посмотримъ, что такое наша революціонная партія и можемъ-ли мы ее назвать партіей? Можемъ-ли мы безпристрастно и съ полнымъ знаніемъ дѣла сказать свое слово о революціонной партіи въ Россіи. Достаточно-ли выяснилась вся закулисная дѣятельность партіи? — Многочисленные процессы раскрыли передъ нами этихъ послѣдователей революціонной идеи и указали намъ на программу, на цѣль и на нравственный обликъ русскихъ революціонеровъ. Постараемся и мы произнести наше слово о нихъ съ желательнымъ безпристрастіемъ и спокойствіемъ. Всѣ нападки и эпитеты, которые расточались газетами и офиціальными лицами людямъ революціоннаго лагера, никого не убѣждаютъ и только звучатъ фальшивою нотою въ русской разноголосицѣ. Было-же время, когда общество и пресса, громящая теперь этихъ самыхъ людей, сочувствовали и аплодировали Вѣрѣ Засуличъ. Нѣтъ-ли въ нашемъ обществѣ элементовъ къ тому, чтобы революціонная партія

имѣла такой громадный успѣхъ и пользовалась бы всѣми живыми силами интеллигенціи для своей разрушительной работы? Намъ кажется, что эта партія черпаетъ свои силы въ томъ-же обществѣ, которое недовольно существующимъ строемъ. Появленіе террористовъ именно объясняется тѣмъ, что всякая опозиція была затруднена, что власть такъ сильна своимъ авторитетомъ въ глазахъ народа и что на всякую дѣятельную опозицію нельзя было разсчитывать. Корни, значитъ, этой партіи находятся въ самой общественной силѣ, въ революціонномъ воздухѣ, которымъ дышетъ русская интеллигенція.

Прежде всего интересно знать численность этой партіи, которая держитъ всю Россію въ напряженномъ состояніи. Съ легкой руки газеты „Берегъ,“ проводившей только остроумно параллель между подпольною и надпольною печатью, къ революціонерамъ и соціалистамъ стали причислять всю русскую интеллигенцію. Наши консервативные органы съ усердіемъ не по разуму валятъ все въ одну кучу. Къ обществу Млодецкаго, Соловьева причисляется всякій недовольный классическимъ образованіемъ, обращеніемъ бумажныхъ денегъ и даже тотъ, который рѣшается свое сужденіе имѣть о театральной дирекціи. Такое

огульное причисленіе всѣхъ недовольныхъ къ лагерю соціалистовъ врядъ-ли основательно. Тѣ, которые обвиняютъ всю интеллигенцію въ принадлежности къ подпольной пропагандѣ, оказываютъ правительству очень плохую услугу, давая преднамѣренно революціонной партіи грандіозный размѣръ. Они вносятъ безпокойство и смуту въ умы спокойныхъ гражданъ, роняютъ правительство въ глазахъ всей Европы и обвиняя все и всѣхъ въ принадлежности къ соціалистической крамолѣ, осуждаютъ людей неповинныхъ въ какихъ-бы то ни было революціонныхъ замыслахъ. Неужели такъ трудно понять простую истину что власть не можетъ бороться противъ цѣлаго общества? Достаточно признать въ принципѣ, что все общество раздѣляетъ убѣжденіе Млодецкихъ, Желябовыхъ и Рысаковыхъ, чтобы понять безплодность всякой борьбы съ этими темными силами. Если нѣкоторыя общественныя группы и проявляли по временамъ сочувствіе къ дѣятелямъ революціонной партіи, то надо сказать, что это сочувствіе раздѣлялось далеко не всѣмъ русскимъ обществомъ и этому сочувствію предшествовали причины, не имѣющія ничего общаго съ самою пропагандою. Въ аплодисментахъ, расточаемыхъ Вѣрѣ Засуличъ, большую роль играли, напримѣръ, непопу-

лярность и сатрапство Трепова. Въ нѣкоторыхъ процессахъ, независимо отъ всякихъ политическихъ убѣжденій, одинъ только жалкій видъ и молодость нѣкоторыхъ политическихъ преступниковъ взывали къ жалости, мягкосердечію и симпатіи. Несвободная печать вносила еще большую путаницу въ пониманіе того, кому собственно сочувствуетъ общество. Даже и народъ, по мнѣнію Достоевскаго (см. Дневникъ Писателя) обезпокоенъ нравственно. Возьмите, говоритъ онъ, даже какую-то штунду и посмотрите на ея успѣхъ въ народѣ. Что свидѣтельствуетъ она? Исканіе правды и безпокойство по ней. Я убѣжденъ даже, что если нигилистическая пропаганда не нашла до сихъ поръ путей въ народъ, то единственно по неумѣлости, глупости и неподготовленности агитаторовъ, не умѣвшихъ даже и подойти къ народу.

Затѣмъ повторяемъ другой вопросъ: изъ кого составляется революціонная партія въ Россіи. У насъ 80% дѣятелей пропаганды принадлежатъ къ привиллегированнымъ классамъ. Обѣднѣвшій, захудавшій дворянскій классъ далъ, конечно, обильную жатву русской революціонной партіи.

Все выброшенное за бортъ переворотомъ 19 Февраля 1861 года, образовало интеллигентный

пролетаріатъ, который стремился жить цивилизованною жизнью, встрѣтилъ на своемъ пути только нищету, голодъ и безучастіе общества, а потомъ былъ готовъ къ отрицанью всякой цивилизаціи, всякой государственности, и видѣлъ въ анархіи, въ казачьихъ кругахъ лучшій выходъ изъ нестерпимаго положенія. А сознаніе своего безсилія, своей необезпеченности, чувство зависимости — всегда приводятъ къ чувству недовольства, къ озлобленію, къ протесту. Вотъ почему вся наша революціонная партія слагается изъ одной учащейся молодежи. Нечаевъ это положеніе формулировалъ съ болѣе страстнымъ озлобленіемъ. — Мы, возросшіе среди грязи и невѣжества, среди оскорбленія и униженія, съ колыбели презираемые и угнетаемые, — мы, для которыхъ семья была предверіемъ каторги, для которыхъ лучшая пора въ юности прошла въ борьбѣ съ нищетой и голодомъ. . . Мы, у которыхъ все прошлое переполнено горечью и страданіями, а въ будущемъ — тотъ-же рядъ угнетеній, оскорбленій, голодныхъ дней: мы можемъ хотѣть только народной революціи, мы хотимъ ее и произведемъ ее.

Но не одни только обиженные судьбою (déclassés) приняли участіе въ революціонной пропагандѣ. Многихъ побудила къ этой дѣя-

тельности любовь къ народу, самоотверженіе, исканіе лучшей и честной дѣятельности.

Въ газетѣ „Берегъ“ мы находимъ слѣдующую характеристику этихъ новыхъ людей: „Молодые люди отправлялись въ народъ одни въ качествѣ учителей, фельдшеровъ, акушеровъ, земскихъ врачей, другіе — чтобы выработать изъ себя практическаго работника и нормальнаго человѣка. Первые піонеры безъ сомнѣнія страдали и геройствовали; многіе служили непосредственно пользамъ и нуждамъ народа и много сдѣлали для народа подъ вліяніемъ искренняго порыва гражданской вспышки. Многое выходило комично и ходульно (?). *Но въ началѣ не было ничего достойнаго порицанія. Мужика лечили, учили, помагали ему своимъ* ничтожнымъ жалованьемъ и укращали для этого свои лишнія потребности, участливо, искренно входили въ его дѣла, изучали его бытъ, нравы, окружающія условія — и сами чрезвычайно быстро изнемогали въ борьбѣ съ этими препятствіями.“

Достоевскій говоритъ въ этомъ-же тонѣ о русской молодежи. Онъ еще подробнѣе выразился въ своемъ письмѣ къ студентамъ, написанномъ имъ въ отвѣтъ на запросъ студентовъ. „Барченками васъ назвалъ народъ. Это названіе я знаю, я гарантирую его вамъ, онъ такъ назвалъ. *А между*

тьмъ — вѣдь въ сущности тутъ есть ошибка и со стороны народа, потому это еще никогда не было у насъ, въ нашей русской жизни такой эпохи, когда бы молодежь, какъ бы предчувствуя, что вся Россія стоитъ на какой-то окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездной, въ большинствѣ своемъ огромномъ была болѣе какъ теперь искреннею, болѣе чистаго сердца-болѣе жаждущею истины и правды, болѣе готовою пожертвовать всѣмъ, даже жизнью, за правду, за слово правды. Подлинно, великая надежда Россіи! Я это давно уже чувствовалъ и давно уже сталъ писать объ этомъ. Никогда молодежь наша не была искреннѣе и честнѣе, что́ не малый фактъ, а удивительный, великій, историческій. Но въ томъ бѣда, что молодежь несетъ у себя ложь всѣхъ вѣковъ нашей исторіи. Не въ силахъ, стало быть, она разобрать дѣло въ полнотѣ и винить ее нельзя, тѣмъ болѣе, когда она очутилась пристрастною и уже обиженною участницей дѣла.“ Онъ говоритъ о томъ, что молодежь начала съ презрѣнія къ народу. По поводу казанской исторіи онъ тогда сказалъ: вы въ Бога не вѣруете — это ваше дѣло. Но зачѣмъ вы народъ-то оскорбляете, оскорбляя храмъ его. Говоря объ обществѣ, онъ выражается такъ: *въ прогнившемъ обществѣ ложь со всѣхъ сторонъ.*

Явились грустные мучительные факты. Искренняя, честнѣйшая молодежь, желая правды, пошла была къ народу, чтобы облегчить его муки. И что-же: народъ ее прогоняетъ отъ себя и не признаетъ ея честныхъ усилій, потому что́ эта молодежь принимаетъ народъ не за то, что народъ есть, ненавидитъ его, презираетъ его основы и несетъ ему лекарства, на его взглядъ дикія и безсмысленныя. Самая дѣятельность, которая ограничилась тѣмъ, что люди шли въ народъ, окончилась неудачно. Эти люди сознали свое безсиліе, говорилъ „Берегъ“, и разочаровались въ возможности улучшенія народнаго быта посредствомъ разрозненныхъ единичныхъ усилій. Раздраженное до страсти желаніе быть полезнымъ народу и личная несостоятельность исключали другъ-друга, самоуничтожались въ борьбѣ и вызывали нравственное терзаніе, у многихъ переходившее въ помѣшательство. Такими порывами, сознается въ душѣ консервативный „Берегъ“, — затрогивались безспорно лучшіе инстинкты. Ему въ жертву иногда отдавалась вся личная жизнь, вся будущность. Понятно, какъ горько было разочароваться. Раздраженіе кружковъ, говоритъ „Берегъ“ дальше, — еще болѣе усилилось бѣшенствомъ вакханалій нашихъ практичныхъ

дѣльцовъ, самодовольнымъ нахальствомъ, бушевавшимъ на глазахъ всего общества и нескрывавшимъ своего отвращенія къ мыслящему пролетаріату. — Всякій разъ когда „Берегу“ приходилось ставить на одну доску истинныхъ революціонеровъ и русскихъ общественныхъ дѣятелей — сравненіе выходило не въ пользу послѣднихъ. Первые если являются, и являются врагами общества, то все таки стоятъ выше господъ литераторовъ. Какіе-же вы господа литераторы! говоритъ „Земля и Воля“. Дрянные, маленькіе, гаденькіе и со всею вашей недомолвкою; какія вы нравственныя тряпки съ вашею хвалимою и легкою сдержанностію. А для печати, говоритъ революціонный органъ, что есть справедливость, честь, человѣческое достоинство? Ей нужны только пятаки съ розничной продажи. Убѣжденія, право мыслить, неприкосновенность мысли, все меркнетъ передъ нимъ, передъ блескомъ пятака. — Земскіе дѣятели не лучше литераторовъ. По мнѣнію „Берега“ они берутся вести земское дѣло, потому что для нихъ оно ресурсъ, покрывающій дефицитъ домашней экономіи. Гдѣ взять такихъ земскихъ людей, которые безкорыстно стремились бы потрудиться на пользу общаго блага. Изъ этого сопоставленія „Берега“, изъ краснорѣчивыхъ словъ Досто-

евскаго, что „въ прогнившемъ обществѣ ложь со всѣхъ сторонъ“ выходитъ, что вся русская интеллигенція оказывается не по плечу русской революціи. То-же говоритъ профессоръ Градовскій въ своей статьѣ о соціалистахъ. Ни „Берегъ“, ни профессоръ Градовскій не указываютъ на настоящія причины такого ненормальнаго порядка вещей, когда революціонеры въ правѣ сказать, что они лучшее общество. Не могутъ ли эти юноши сказать — говоритъ профессоръ Градовскій — вы жалуетесь на насъ, но вамъ слѣдовало бы жаловаться на себя. Мы дѣлаемъ то, что не хотите или не можете дѣлать вы. Въ насъ жизнь, а въ васъ сонъ или омертвеніе. У насъ характеры, а у васъ слова, слова и слова. Мы бросаемъ всѣ выгоды жизни и идемъ въ народъ, гдѣ насъ ожидаютъ тысячи опасностей. Наши женщены снимаютъ свои наряды, надѣваютъ серьмяги и босыя идутъ жать, стряпать, молотить съ женщинами изъ народа. Мы не Рудины и не Гамлеты стараго поколѣнія, съ ихъ міровою скорбію и дрянною волею. Мы люди слова и дѣла. Положеніе завидное: говорить, когда другіе молчатъ, быть единственнымъ протестующимъ элементомъ во время всеобщаго затишья, дѣйствовать когда другіе покоятся, обращать на себя вни-

маніе, когда все прочее остается безъ разсмотрѣнія. Чье самолюбіе устоитъ отъ такой перспективы? Что-же потомъ? спрашиваетъ авторъ. Для иныхъ прозябаніе въ видѣ сапожника, кузнеца, жницы или кухарки въ народной массѣ, для которой они остаются чужими, ибо барышня, даже переряженная въ русскій сарафанъ, всетаки будетъ нѣмецкою, а не русскою кухаркою; для другихъ — страданіе въ центральныхъ тюрьмахъ и иныхъ мѣстахъ заключенія; для третьихъ — отказъ отъ практики соціальной въ виду превращенія въ дѣятелей дѣльцовъ или промышленниковъ. Страданіе, прозябаніе или развращеніе — этими немногими словами опредѣляется судьба многихъ людей, въ коихъ можно было бы видѣть надежду Россіи. Положеніе этой „надежды“ дѣйствительно такое, что заставляетъ подумать каждаго, у кого голова и сердце на мѣстѣ. Конечно, это крушеніе однаго идеала было бы не опасно, еслибы вліяніе здоровой общественной среды могло сразу замѣнить его другимъ, но этого нѣтъ на дѣлѣ.

Но мы напрасно будемъ искать настоящаго отвѣта у г. Градовскаго или у другихъ, отчего съ русскимъ обществомъ приключилась такая бѣда, отчего эта честная искренняя молодежь, какой никогда не было, по словамъ Достоевскаго,

должна погибать въ безплодной борьбѣ, отчего земство не даетъ обѣщанныхъ результатовъ. Мы должны замѣтить при этомъ, что Градовскій и не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ какъ слѣдуетъ. Другіе, а именно прозорливые иностранцы, находящіеся въ сторонѣ отъ нашего русскаго движенія, справедливо приписываютъ это развитіе крайнихъ ученій не достатку политической жизни у самаго русскаго общества. Въ сужденіяхъ профессора Градовскаго и свидѣтельствѣ газеты „Берегъ“ есть очень интересная сторона. Ихъ нельзя обвинять въ пристрастіи къ соціалистамъ или къ народникамъ, но имъ бросилась въ глаза эта черта беззавѣтнаго самоотверженія, которымъ справедливо хвалятся эти темныя силы; среди трусливаго, запуганнаго общества эти люди, идущіе на смерть, какъ на веселое пиршество, являются титанами, предъ нравственнымъ величіемъ которыхъ нельзя не преклониться. Они напоминаютъ собою первыхъ мучениковъ христіанства передъ отживающею римскою цивилизаціею. Это стремленіе жертвовать собою, забывая о своемъ личномъ я, свидѣтельствуетъ о силѣ и могуществѣ русскаго общественнаго организма. Пока въ обществѣ есть люди, способные отрешиться отъ мелкихъ эгоистическихъ разсчетовъ и принести

все: положеніе, состояніе и даже жизнь на алтарь какой-нибудь идеи, какой нибудь цѣли, общество можетъ считать себя если не вполнѣ здоровымъ, то способнымъ къ здоровой, нормальной жизни. Правительство наше, усугубляя строгость, только поднимаетъ протестующіе элементы на высоту, окружая имена этихъ мучениковъ за идею еще большимъ ореоломъ и обаяніемъ среди толпы, которая всегда относилась къ людямъ, презирающимъ жизнь съ особымъ почтеніемъ. Смерть вообще обаятельно дѣйствуетъ на каждаго. Людовикъ XVI, Марія Антуанета, украсившись вѣнцомъ мучениковъ съ разу взошли на недосягаемый піедесталъ. Кто вспомнитъ о Люи Филиппѣ, бѣжавшемъ изъ Парижа?

Мы отдали, кажется, полную справедливость доблести сторонникамъ нашего соціальнаго движенія. Но этимъ не исчерпивается нашъ русскій соціализмъ. Намъ нужно узнать, чего собственно хотятъ тѣ люди, которые идутъ въ народъ — и потомъ, какимъ способомъ они желаютъ достигнуть осуществленія своихъ плановъ. Русскій соціализмъ, какъ онъ выяснился въ революціонныхъ органахъ, является развитіемъ той-же идеи Бакунина, о которой мы говорили раньше. Если мы возьмемся за анализъ идей, выраженныхъ въ

„Землѣ и Волѣ“ и другихъ революціонныхъ органахъ, то насъ поразитъ прежде всего то обстоятельство, что ученія этихъ людей, полныхъ самоотверженія и любви къ народу, не соотвѣтствуютъ нравственной высотѣ революціонныхъ дѣятелей. Они грѣшатъ нелогичностію, полнымъ непониманіемъ исторіи и значительно разнятся во взглядахъ отъ соціалистическихъ теорій запада. Въ нашей революціонной партіи, въ противуположность западу, нѣтъ тѣхъ причинъ, того разума бытія, на которыхъ основывается западный соціализмъ.

Въ Россіи, какъ извѣстно, фабричное дѣло находится еще въ зачаточномъ состояніи. На западѣ мы видимъ сильное землевладѣніе (Англія), сосредоточенное въ немногихъ рукахъ. Въ Россіи двѣ трети всей земли принадлежатъ крестьянству. Многія губерніи — какъ это удостовѣряютъ послѣднія статистическія свѣденія—чисто крестьянскія по землевладѣнію. Въ Европѣ соціализмъ выступаетъ противъ буржуазіи, которая у насъ только зарождается въ лицѣ Разуваевыхъ и т. д. Не имѣя настоящихъ причинъ бытія — ни борьбы классовъ, ни объекта для нападенія, русскій соціализмъ поражаетъ своимъ худосочіемъ, своею безпочвенностію, безпредметностію и ненор-

мальностію своего развитія. Если нѣтъ буржуазіи, то значитъ, по мнѣнію представителей „Земли и Воли“ надо уничтожить то, что возвышается надъ простымъ крестьянствомъ и привести все къ одному знаменателю. На западѣ соціалисты желаютъ, какъ мы видѣли, воспользоваться государствомъ для своихъ цѣлей. Русскій соціалистъ бросаетъ все за бортъ, не стѣсняясь тѣмъ, что среди выброшеннаго могутъ очутиться цѣнныя пріобрѣтенія цивилизаціи. Въ то время какъ соціалисты на западѣ хотятъ посредствомъ государственной помощи побороть буржуазію, излить всѣ блага цивилизаціи на четвертое сословіе, наши анархисты требуютъ разрушенія существующаго экономическаго строя. Еще въ 1873 году „Община“ („Къ русскимъ революціонерамъ“) заявила: Съ точки зрѣнія отрицательной или разрушительной мы хотимъ уничтоженія, банкротства, полной ликвидаціи государства и всего, что обусловливаетъ его существованіе, уничтоженія всякаго вмѣшательства его въ платежъ долговъ, коллективныхъ или частныхъ, въ передачу наслѣдствъ, уничтоженія всѣхъ налоговъ, уничтоженія всей высшей и низшей государственной администраціи, уничтоженія сословій, бюрократіи, арміи, *магистратуры*, полиціи, *университетовъ*, духовенства, уничто-

женія монополій, привиллегій, личной собственности (маленькая разница противъ программы, обнародованной международнымъ союзомъ рабочихъ). Ближайшимъ средствомъ для этого считается истребленіе, въ первые-же дни революціи, всѣхъ свидѣтельствъ ренты, ипотекъ, денежныхъ знаковъ, концессій и другихъ свидѣтельствъ, паспортовъ, метрикъ и всякихъ гербовыхъ бумагъ. Мы хотимъ полнаго уничтоженія политическаго, юридическаго и законодательнаго права и замѣны ихъ повсюду революціоннымъ фактомъ.

То есть — вы хотите полной анархіи, господа!

При выходѣ въ свѣтъ, „Земля и Воля“ объявила такую-же войну всякой государственности. Земля и воля, — говоритъ редакція этого обозрѣнія, — вотъ два магическихъ слова, много разъ поднимавшихъ съ глубины Россіи могучія стихійныя движенія, дважды чуть не повалили они государство Россійское и до сихъ поръ глубоко волнуютъ душу сѣраго крестьянина отъ однаго конца Россіи, до другаго. Земля и воля — вотъ тотъ девизъ, который написали на своемъ знамени вѣрные духу и исторіи своего народа, наши предшественники — соціалисты-народники шести-

десятыхъ годовъ. Тѣ-же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы.

Затѣмъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи редакція говоритъ, что программа партіи сводится къ слѣдующему: отнятіе земли отъ помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда и поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе казачьихъ круговъ, т. е. вольныхъ, автономныхъ, общихъ съ выборными, отвѣтственными и и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли. Такова была всегда, неизмѣнно, программа народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ, — Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ. Такова-же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь въ громадномъ большинствѣ русскаго народа. Поэтому принимаемъ ее и мы, революціонеры-народники. Европейскій соціализмъ желаетъ воспользоваться всѣми благами цивилизаціи и путемъ уничтоженія эксплоатаціи труда привести къ болѣе справедливому распредѣленію земныхъ благъ. Русскій же соціализмъ отрицаетъ всякое государство, всякое общество, всякую цивилизацію и видитъ въ простѣйшихъ формахъ общежитія (казачьи круги) спасеніе отъ разъѣдающихъ насъ язвъ. Русскій соціализмъ видитъ въ анархіи и уничтоженіи всего существующаго свою главную

задачу, забывая при этомъ, что онъ приговариваетъ русскій народъ на незавидную участь быть покореннымъ другими народами. Казачьи круги, независимые другъ отъ друга, подпадутъ очень легко цивилизаторской миссіи германскаго племени. Мы видимъ даже и теперь, послѣ событія 1-го марта, кто изъ нашихъ заграничныхъ друзей особенно радовался этому событію? Русскій народъ не поколебался и въ эту минуту, и не произвелъ той анархіи, на которую разсчитывали послѣдователи „Земли и Воли“. Это не помѣшало Венгерцамъ, Полякамъ высказать свое искреннее сочувствіе и свою радость по случаю событія 1-го Марта. Чему они радовались? Торжеству ли анархической партіи? Нѣтъ, они радовались тому, что наступитъ, можетъ быть, время, когда въ Россіи произойдетъ смута и когда они могутъ напасть соединенными силами на безсильную Россію и покорить ее. А по мнѣнію нашихъ русскихъ революціонеровъ, когда государство будетъ вполнѣ готово для анархіи и разрушенія, когда вся Россія обратится въ безформенную протоплазму, тогда настанутъ лучшія времена. Неправда. Тогда Россія, какъ недостойная жить общею жизнью народа, будетъ разорвана, раздѣлена на клочки между нѣмцами, мадьярами и ан-

гличанами. Вы этого хотите, господа вожаки русской революціи? Вы пользуетесь тѣмъ, что лучшая, самая искренняя часть молодежи не находитъ исхода своей самоотверженной дѣятельности — и толкаете ее на этотъ путь. Если вы этого хотите или этого желаютъ недруги Россіи — то они обочтятся. Будьте увѣрены, что русскій народъ обладаетъ достаточнымъ политическимъ смысломъ и съумѣетъ, какъ въ смутное время, сплотиться, соединиться вокругъ какого нибудь Минина, Пожарскаго или будущаго Наполеона и отстоять такимъ образомъ свою государственность, свою независимость, свою самостоятельность и свое призваніе къ исторической жизни!

Разсматривая теорію русскаго соціализма, приходится удивиться тому, что есть люди, которые обнаруживаютъ на столько легкомыслія, наивности, чтобы серіозно принимать всю эту чепуху и даже желаютъ осуществленія этихъ идей въ жизни. Оговоримся. Мы относимся совершенно объективно къ теоріи соціализма на западѣ, въ которомъ есть здоровое зерно для грядущаго плодотворнаго историческаго роста народа. Съ этою теоріею запада приходится считаться и она путемъ исторической борьбы въ далекомъ будущемъ достигнетъ своего осуществленія. Но тамъ ни-

гдѣ не проповѣдуетея анархія для одной только анархіи, разрушеніе для одного только разрушенія. Развѣ эти господа на столько мало знаютъ исторію и не могутъ понять той простой истины, что на мѣстѣ разрушенной и убитой буржуазіи возникнетъ изъ созданной ими общественной протоплазмы другое общество, на столько живущее, что оно всегда найдетъ своего Бонапарта, который прежнее зло обратитъ въ зло сугубое. Прежде чѣмъ думать о новыхъ идеальныхъ порядкахъ, надо перевоспитать человѣчество на началахъ справедливости, добра и любви къ ближнему.

Всѣ насильственные перевороты достигаютъ только перемѣщенія богатства и власти изъ однѣхъ рукъ въ другія. Робеспьеръ оправдывалъ жакерію, грабежъ и пожары, Маратъ требовалъ громадныхъ человѣческихъ гекатомбъ, а якобинцы оправдывали въ принципѣ убійства, были враги легальности и порядка. Вы гражданскн насъ убили — говорили они — мы убьёмъ васъ физически, — т. е. мы посильнѣе васъ и вы сдѣлаетесь жертвами нашего произвола. (Les jacobins, Taine). И что же? Франція развѣ вышла лучше, чище, возвышеннѣе послѣ этого моря крови? Чѣмъ французское общество во времена директоріи и первой имперіи лучше общества королевской Фран-

ціи? Пока общество не переродится нравственно на новыхъ началахъ и не совлечетъ съ себя ветхаго человѣка, до тѣхъ поръ революція будетъ на руку только нѣкоторымъ честолюбцамъ, а все останется по старому. Появленіе такихъ теорій, рѣшающихъ вопросъ только съ формальной внѣшней стороны насильственнымъ путемъ свидѣтельствуетъ не въ пользу нашего умственнаго развитія. Приходится вспоминать слова нашего историка Соловьева: эта страсть къ кореннымъ переворотамъ, къ полному отрицанію стараго и созданію новаго есть плодъ неразвитости сознанія. Одна крайность — безсознательное подчиненіе старому, ведетъ необходимо къ другой крайности — къ безсознательному стремленію къ новому. Вообще всѣ крутые, коренные перевороты, въ какомъ бы смыслѣ не происходили и откуда бы не шли, съ верху или съ низу, суть слѣдствіе неразвитости сознанія, дѣтства народа, и способны къ нимъ бываютъ обыкновенно тѣ народы, которые при видимой возмужалости, сохраняютъ въ своемъ характерѣ много дѣтскости.

Появленіе такихъ теорій, скажемъ мы, и быстрое ихъ развитіе въ извѣстномъ обществѣ, свидѣтельствуетъ еще о томъ, что общество недовольно существующимъ строемъ жизни,

что оно ищетъ какого нибудь исхода изъ этой вакханаліи лжи, подлости, подкупа, произвола, бѣдности, пороковъ и общественнаго разврата. Въ такіе моменты люди и наиболѣе лучшіе непремѣнно увлекутся самыми утопическими мечтами и готовы жертвовать всѣмъ, для осуществленія своихъ излюбленныхъ идей. Когда не хорошо живется въ извѣстномъ обществѣ, то лучшіе люди не цѣнятъ своей жизни, является эпидемія самоубійства, стремленіе уйдти къ разбойникамъ, къ цыганамъ, къ первобытному человѣку. Лишь бы избавиться отъ гнетущаго всѣхъ зла. Все это понятно, и руководствуясь пословицей tout comprendre, c'est tout pardonner — можно объяснить себѣ появленіе въ Россіи такой странной и чудовищной теоріи, какъ русское отрицаніе государства, цивилизаціи и всего того, чѣмъ человѣкъ отдѣляется отъ животнаго міра. Человѣку присуще также чувство самоотверженной любви къ страждущему человѣчеству, стремленія къ нравственной высотѣ, и потому условія общественной *жизни должны дать исходъ этимъ стремленіямъ, открыть имъ широкое поле для дѣятельности,* а не вліять на нихъ задерживающимъ образомъ и тѣмъ не усиливать средствъ революціонной пропаганды. Какими бы нелѣпостями не отли-

чались теоріи нашихъ революціонеровъ, мы должны признать, что убѣжденія и вѣрованія должны пользоваться полною свободою. Пока теоріи русскихъ соціалистовъ оставались предметомъ пропаганды и не угрожали ни цѣлости государства, ни всеобщему спокойствію, къ ней должны бы были относиться какъ къ мормонизму или тѣмъ сектамъ, которыми такъ изобилуетъ Россія. Въ 1878 году вся дѣятельность русской революціонной партіи сводится къ тому, что поставивши себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго порядка, она стремится достигнуть этой цѣли путемъ пропаганды, путемъ подготовленія народа къ совершенію желаемаго переворота. Мы очень хорошо знаемъ, что эта пропаганда, это хожденіе въ народъ, не увѣнчалось успѣхомъ. Народъ книжекъ не читалъ, а тѣхъ, которые говорили ему несообразныя вещи, передавалъ становому. Самому хожденію въ народъ нельзя не сочувствовать, и это служеніе народу, какъ сознается даже „Берегъ,“ принесло свою пользу и благотворно подѣйствовало на народъ. Повторяемъ, пока революціонная партія останавливалась на пропагандѣ, противъ нея можно было только возражать также теоретическимъ путемъ. Но когда же теорія обратилась въ какой то непогрѣшимый догматъ,

приводимый въ дѣйствіе путемъ крови и желѣза, то она должна вызвать всеобщее негодованіе. „Земля и Воля“ указываетъ, что партія будетъ продолжать эту борьбу до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ своей цѣли. „Земля и Воля“ справедливо указываетъ на чрезмѣрное отягченіе простаго народа различными налогами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ самый народъ подводить подъ топоръ, какъ это было въ чигиринскомъ дѣлѣ. Объявляя, что она не намѣрена слѣдовать принципу рыцарства въ борьбѣ съ своими врагами, этимъ самымъ партія наноситъ смертельный ударъ себѣ.

Догматы соціально-революціонной партіи могутъ излить на массу всеобщее блаженство, но мѣры, принимаемыя ими, не могутъ вызвать сочувствія въ томъ обществѣ, которое революціонеры желаютъ облагодѣтельствовать. Насиліе, грабежъ, подлоги, убійство ни въ чемъ неповинныхъ исполнителей чужой воли — развѣ это мѣры, которыми думаютъ покорить сердца? Лозунгъ: кровь и желѣзо — обоюдоострый мечъ. Развѣ французская революція, пропитанная кровію тысячей жертвъ, не исчезла какъ дымъ, какъ только появился Наполеонъ I? Ни для кого не составляетъ тайны, въ настоящее время, что событіе 1-го марта под-

няло монархическій принципъ на такую высоту, о которой никому не мечталось.

Исторія наглядно показываетъ намъ, что страхомъ и насиліемъ не насаждается ничего прочнаго. Терроръ вызываетъ лицемѣріе, но не любовь. При этомъ происходитъ громадная трата нравственныхъ силъ, послѣ которой общество готово успокоиться и предаваться удовольствіямъ и разврату. (Декабристы). Судьба первыхъ революціонеровъ въ Россіи состояла въ томъ, что она пренебрегала малымъ и скромнымъ дѣломъ, а бралась за рѣшеніе неразрѣшимыхъ по условіямъ времени государственныхъ вопросовъ. Эти попытки кончались всегда неудачно въ виду того, что почва не была подготовлена какъ слѣдуетъ. Якубовичъ говоритъ въ ссылкѣ Черепчіеву (Древн. и Нов. Росс. 1876 г., стр, 177): „У меня было 400 крестьянъ. Слѣдовало бы заняться ихъ бытомъ. Такъ нѣтъ. Этого для меня было мало. Захотѣлось устроить бытъ милліоновъ. Вотъ какъ и устроилъ — право, смѣшно!“ — Этого упрека нельзя сдѣлать настоящей революціонной партіи. Подобно Аксакову, они захотѣли начать съ основанія и жаждали скромной дѣятельности среди народа, но имъ въ этомъ помѣшали, предполагая въ дѣятельности нѣсколькихъ пропагандистовъ большую опасность.

Мы достаточно указали въ предъидущемъ очеркѣ, что стремленія господъ революціонеровъ не могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Мы понимаемъ подъ словомъ успѣхъ именно ту конечную цѣль, которую они себѣ поставили. Временный успѣхъ въ видѣ убійства должностныхъ лицъ и даже верховнаго вождя государства не можетъ считаться, съ точки зрѣнія революціонеровъ, успѣхомъ въ полномъ смыслѣ слова. Вся русская исторія указываетъ на слабость и дряблость общественныхъ силъ и на сильную государственную власть, которая, благодаря тому, что позаботилась о массѣ народа въ день 19 Февраля, пріобрѣла въ его глазахъ громадный авторитетъ. Пріемъ, къ которому прибѣгаютъ революціонеры, дѣйствуя именемъ царя (чигиринское дѣло) и раздавая золотыя грамоты, показываетъ еще яснѣе, что въ Россіи есть только двѣ реальныя силы: власть царя, опирающаяся на милліоны, и темная сила, черпающая свое могущество изъ недовольства общественныхъ силъ. Революціонеры, дѣйствуя насиліемъ и кровью, какъ будто пополняютъ извѣстный пробѣлъ въ русской исторіи. Революціонеры сильны характеромъ, волею, отвагой. Они неумолимы какъ историческая судьба. Они обладаютъ тѣмъ, чего до сихъ поръ недоставало русскому

обществу. По опредѣленію Шоппенгауера мысль и сила воли двѣ разныя вещи. Не мыслью, не разумомъ они сильны. Ихъ теоріи легко разбить, и они это понимаютъ. Но оставаясь единственнымъ протестующимъ элементомъ среди неорганизованнаго общества, они пріобрѣтаютъ громадную нравственную силу. Они ее потеряютъ, какъ только заговоритъ и организуется общество на началахъ самоуправленія и свободы.

Но есть ли въ нашемъ обществѣ элементы, для борьбы съ революціонною партіею? Существующая теперь шаткая организація общественныхъ силъ къ этой борьбѣ не пригодна, когда сегодня земство подчиняется только контролю общества, а завтра даетъ право губернатору смѣнять земскихъ должностныхъ лицъ. Все приходитъ въ движеніе на почвѣ, которая подвержена частому колебанію. Консерваторы — я понимаю тѣхъ, которые желали бы сохранить неприкосновенными главнѣйшія реформы прошлаго царствованія — и у тѣхъ нѣтъ силъ и возможности бороться за нихъ съ противогосударственными элементами, — и тѣмъ нѣтъ житья, нѣтъ поля для борьбы, потому что ихъ существованіе подлежитъ такому-же „фюйтъ,“ о которомъ такъ остроумно разсказываетъ Щедринъ. А мы знаемъ, что бороться — не

можетъ только само по себѣ слабое, безсильное и неорганизованное общество. Надо при этомъ сознаться, что деспотическая складка характера нашихъ революціонеровъ, желающихъ облагодѣтельствовать общество, не спросивши его мнѣнія, его желаній, является прямымъ послѣдствіемъ деспотизма государственнаго. Какъ въ тропическихъ странахъ произростаютъ ядовитыя растенія, такъ и русскій деспотизмъ произвелъ русскихъ революціонеровъ, для которыхъ человѣческая жизнь не имѣетъ значенія — лишь бы имъ исполнить свою излюбленную мечту.

Не случайностію является то обстоятельство, а послѣдствіемъ исторической жизни, что именно деспотизмъ Николая I нашелъ своего яраго противника и отрицателя въ лицѣ Бакунина. Гнетъ, подъ которымъ стонала Италія, произвелъ Маццини. Сильная авторитетомъ власть, какъ она сложилась въ Россіи, нашла въ лицѣ Жалябовыхъ, Рысаковыхъ, Соловьевыхъ и другихъ, такихъ-же ярыхъ противниковъ, которые готовы пожертвовать всѣмъ — не спросившись, на сколько полезна будетъ эта дѣятельность. Это — самодержавный принципъ, примѣненный къ цѣлямъ революціи. Насильственность Петра, административныя ссылки и весь произволъ

прошлыхъ годовъ, отсутствіе характеровъ, весь строй нашей жизни дали въ руки русской революціи динамитъ. Такимъ образомъ революціонеры, дѣйствуя во имя лучшихъ идеаловъ, прибѣгаютъ къ мѣрамъ, отрыцаемымъ всякою свободою личности. Іезуиты инквизиціи не имѣли другаго принципа. Они для тѣхъ, которые не хотѣли царствіе небесное, устраивали костры и пытки. Этотъ путь уже давно осужденъ сознаніемъ и мыслью всего человѣчества. Пора бросить эту опеку надъ обществомъ, надъ народомъ, пора отнестись къ человѣку съ любовью и почтеніемъ. Пусть наши слова будутъ голосомъ вопіющаго въ пустыни, — но мы имѣемъ нравственное право сказать людямъ, которые отдаютъ свою жизнь на служеніе идеи: Идите въ народъ, посвятите ему всѣ свои силы — и результаты вашего труда окажутся благоденствіемъ народа. Доводите человѣка путемъ убѣжденій до вашихъ идей, путемъ проповѣдей, образованія, подымите его до пониманія своихъ истинныхъ интересовъ — и предъ вашимъ великимъ сподвижничествомъ преклонится все человѣчество. Вы скажете, что этотъ путь длинный и трудный. Но мы видимъ въ исторіи примѣры тому, что люди одними своими убѣжденіями производили коренные перевороты. Что было

христіанство во время разлагающагося Рима? Однако христіанство побѣдило міръ. Что́ была проповѣдь соціалистовъ? Однако это ученіе, пока оно не прибѣгало къ динамиту, покорило массу умовъ. Похвально желать народу лучшаго развитія жизни, но подводить его подъ уголовное преслѣдованіе для его вящщаго благополучія выйдетъ слишкомъ по іезуитски и недобросовѣстно. Если бы вы хоть знали, что́ вы дадите народу, взамѣнъ его страданій — но вы сами говорите устами Бакунина, что вы не знаете, что́ водворится потомъ на землѣ. Вы жалаете хаоса, разрушенія, а потомъ жизнь возьметъ свое. И жизнь, будьте увѣренны, опровергнетъ всю вашу дѣятельность. Вашею дѣятельностію вы только производите излишнюю трату человѣческихъ жизней....

Въ доказательство приводу одинъ подлинный фактъ: слухи о передѣлѣ произвели настоящій переполохъ среди крестьянъ новгородской и другихъ губерній, которыя можно считать преимущественно крестьянскими по землевладѣнію. Крестьяне, купившіе землю, бросились поголовно рубить принадлежащій имъ лѣсъ. Всѣ опасались того, что этотъ лѣсъ у нихъ отнимутъ. Сколько кровью и по́томъ заработанныхъ грошей погибло задаромъ отъ

одного нелѣпаго слуха! Вотъ одинъ изъ результатовъ пропаганды.

Мнѣ хочется еще сказать нѣсколько словъ о прокламаціяхъ исполнительнаго комитета. Тонъ прокламацій очень приличный и сдержанный. Но въ немъ есть нѣкоторое самохвальство, неприличное людямъ, дѣйствующимъ изъ за угла посредствомъ динамита и взрывовъ, — именовать себя лучшими людьми цѣлой націи. Еще можно сознаться, что тѣ, которые пострадали за эту мысль, имѣютъ за собою извѣстное нравственное обаяніе. Но вожаки, предводители, остающіеся въ тѣни и называющіе себя лучшими людьми, — согласитесь, это звучитъ фальшивою нотою. Справедливо говорится въ этой-же самой прокламаціи, что вы уйдете, когда будетъ свобода и конституція. Да, вамъ нельзя будетъ не уйти. Кто захочетъ протянуть руку тѣмъ, у которыхъ рука обагрена кровью! — Народъ? — Да онъ отъ васъ отвернулся. Своимъ убійствомъ, какъ я сказалъ выше, вы подняли монархическій принципъ на такую высоту. Своими требованіями вы только сѣете смуту, и вы не хотите сдѣлать единенія власти и общества. Вы сознательно или безсознательно работаете не для Россіи. Смутою, если она возникнетъ, воспользуются другіе народы, и унизятъ Рос-

сію, унизять тотъ же народъ, о которомъ вы печетесь. Конституціи вы не хотите, потому что причина вашего бытія тогда пропадетъ, тогда раскроется ваша игра. Тогда найдутся, конечно, люди, которые посвятятъ всѣ свои силы народу, и посвятятъ ее не обагряя своихъ рукъ кровью. Когда вы замѣчаете, что власть готова на уступки, вы убійствомъ и разными репрессаліями вызываете ее на реакцію, и тѣмъ вызываете умственную анархію въ обществѣ. Опомнитесь пока есть время, не работайте какъ сознательные и безсознательные наемники враговъ Россіи, на погибель русскаго народа.

IV.

Интеллигенція и народъ.

Мы такъ много толкуемъ о народѣ, что самые толки о немъ обратились въ общее мѣсто. Мы злоупотребляемъ этимъ словомъ. Всѣ говорятъ отъ имени народа; Аксаковъ, Исполнительный комитетъ, Московскія Вѣдомости и либеральный лагерь, — всѣ вѣщаютъ отъ имени народа, а народъ, какъ нѣкій сфинксъ, стоитъ молчаливый и грозный въ своемъ молчаніи. Интеллигенція — не народъ, говорятъ одни, и они правы: Интересы интеллигенціи не могутъ интересовать народъ. Зачѣмъ народу конституція? Только одна интеллигенція кричитъ о ней. Надо сообразить, что при извѣстномъ строѣ жизни интеллигенціи легче и свободнѣе трудиться на пользу народа. При существованіи произвола и административныхъ ссылокъ всякая дѣятельность должна очень скоро прекратиться. При отсутствіи контроля надъ государственнымъ хо-

зяйствомъ всѣ заботы о народѣ будутъ имѣть характеръ невинной забавы. Я думаю, что народа еще не спрашивали въ цѣломъ, а потому — говорить отъ его имени преждевременно и неосновательно.

Народъ также обезпокоенъ, говоритъ Достоевскій, и онъ правъ. Прочтите два письма, написанныхъ — одно крестьяниномъ Сѣверныхъ губерній, бывшимъ членомъ управы въ прошломъ году, и другое письмо, написанное подъ впечатлѣніемъ событія 1-го Марта 1881 года. Изъ втораго письма видно, что въ народѣ идетъ такое-же броженіе, такая-же борьба стараго съ новымъ. Письмо Прилукскаго крестьянина, не смотря на частое повтореніе, особенно замѣчательно. (Это письмо было доставлено одной редакціи). И онъ недоволенъ многимъ, и онъ говоритъ о мщеніи. Мщеніе кому? спросятъ нѣкоторые. Неужели опять мясники выступятъ на сцену? Вопросъ о мясникахъ, объ угрозахъ Университету, разрѣшается очень просто письмомъ Прилукскаго крестьянина. Можетъ быть это живучій инстинктъ государственнаго единства, существующій въ массѣ, который наталкиваетъ ихъ на расправу. Масса понимаетъ, что власть безсильна и хочетъ ей прійти на помощь. Да, какъ намъ ни противна кулачная расправа, но

мы должны къ стыду своему сознаться, что въ этой угрозѣ сказывается незримый инстинктъ русскаго народа, охраняющій государственное единство Россіи. Этотъ незримый инстинктъ оберегалъ Россію отъ порабощенія и уничтоженія въ смутное время, въ 1812 году, и онъ охранитъ его и на будущее время. Несомнѣнно, что между народомъ и радѣтелями его существуетъ большое недоразумѣніе, и что это недоразумѣніе будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ общественнаго самоуправленія. Народъ ошибается, когда думаетъ, что свобода вышла изъ одной иниціативы царя, и что въ этомъ освобожденіи народа не участвовали барченки или паны. Безъ участія этихъ великодушныхъ силъ общества народъ долго-бы не увидѣлъ своей свободы. Живое общеніе съ народомъ возможно только при другихъ болѣе совершенныхъ формахъ государственнаго устройства, и только тогда Прилукскій крестьянинъ увидитъ, кто ему другъ или недругъ. До тѣхъ поръ будетъ длиться это вѣчное недоразумѣніе между интеллигенціей и народомъ, и интеллигенція при всей своей доброй волѣ не будетъ въ состояніи возвратить народу потраченныя на нее деньги и трудъ.

Совѣтуя лицамъ, любящимъ народъ, прочи-

тать оба письма, мы понимаемъ, что намъ могутъ сдѣлать очень основательное возраженіе. Что такое два письма крестьянъ? Они развѣ могутъ представить собою народный голосъ? Но и вы, господа, не слышите народъ, а Достоевскій прямо говоритъ, что надо опросить народъ. Народъ обезпокоенъ, онъ волнуется и думаетъ свою думу. Вотъ что доказываютъ эти письма. Безъ просвѣщеннаго содѣйствія интеллигенціи онъ приходитъ иногда къ дикимъ выводамъ. Нѣтъ, мы должны выслушать его и прекратить затѣмъ всякія ссылки на него, а потомъ служить ему до изнеможенія силъ, и только такимъ образомъ мы исполнимъ наше нравственное и общественное назначеніе.

Мы говоримъ о народѣ, а все, что дѣлается на Руси, идетъ на пользу интеллигенціи. По вопросу объ образованіи мы тащимъ послѣднія крохи съ народа, а ему не даемъ школъ. Пускай высшія школы будутъ на иждивеніи интеллигенціи и общества, и навѣрное найдутся люди, пожелающіе пожертвовать отъ себя на эти учрежденія. То-же самое можно сказать и о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но то, что тратится теперь на этотъ предметъ, должно было-бы тратиться на первоначальную русскую народную школу.

Да не обвинятъ меня нѣкоторые непонимающіе люди, что я желаю уничтожить высшее образованіе въ Россіи. Я только говорю о томъ, что на это образованіе, которымъ пользуется меньшинство, и сравнительно болѣе богатое меньшинство, интеллигенція должна тратить собственныя деньги и что не слѣдуетъ брать на это образованіе средствъ народа, уже безъ того отягченнаго многими тяжелыми податями. Эту-же систему можно было-бы примѣнить въ широкихъ размѣрахъ во всѣхъ вѣдомствахъ, обращая все наше вниманіе на подъемъ экономическій, нравственный и умственный мужика. И тогда — можетъ быть — уничтожится та бездна, которая теперь отдѣляетъ мужика отъ народа — взаимное непониманіе другъ друга. Только тогда милліонная масса поднимется до пониманія интересовъ меньшинства и заявитъ когда нибудь свои требованія, какъ заявило австрійское крестьянство. Безъ всякаго сомнѣнія тогда предъ этимъ требованіемъ прійдется преклониться и сдѣлать то, чего желаетъ большинство народа. Эти письма адресованы не къ тѣмъ, которые гніютъ въ темницахъ или уже искупили свое служеніе идеѣ. Не въ характерѣ русскаго человѣка, который всѣхъ осужденныхъ называетъ несчастными, т. е. заблуждающимися,

глумиться надъ несчастными жертвами. Нѣтъ, они написаны для балаганщиковъ фразы, которые сами показываютъ кукишъ въ карманѣ и прячясь за границей, натравливаютъ другихъ на подвиги, получаютъ деньги революціоннаго фонда и рисуются своей дѣятельностью предъ Европой. Вотъ къ нимъ обращено это письмо.

„Я, господа, мужикъ довольно образованный. Вы будете удивляться. Меня учили грамотѣ, а потомъ выбирали на разныя должности. Былъ я членомъ земской управы, волостнымъ писаремъ. Шатался немало. Коечему насмотрѣлся и многое слышалъ. И чего этотъ сиволапый, скажете вы, лѣзетъ къ намъ? Да ужъ не въ моготу стало, почитаемъ васъ, и такъ душа заноетъ. Вы, господа, какъ вы тамъ не говорите, а меня ободряетъ то, что вы о мужикахъ говорите. Не даромъ же говорите, а такъ, потому что любите ихъ искренно, горячо, и я все это понялъ. Очень ужъ больно любите вы мужика; а потому сдѣлайте мнѣ одолженіе и скажите мнѣ правду. Я прошу у васъ самой настоящей что ни на есть правды. Ѣду я къ барину, и онъ подсунетъ мнѣ вашихъ книжекъ, говоритъ: „на, прочти; васъ мужиковъ теперь любятъ, на васъ мода“. Баринъ у насъ хорошій, молодой, —

хозяйничать, правда, не умѣетъ, книжки все читаетъ. Не поняли мы его сначала, какъ заѣхалъ въ нашу глушь, да захотѣлъ устраивать школы. А нашимъ не въ домёкъ. Онъ приговора отъ насъ требуетъ. Мы и загадѣли: Это, значитъ, хитрость, онъ значитъ съ насъ хочетъ работою забрать. Другой говоритъ: Нѣтъ, братцы, это онъ царю понравиться — ему орденъ дадутъ. Потомъ раскусили, что это онъ все съ одной доброты сердечной. Все господами были, да вдругъ повернули, и на нашу сторону. Я понимаю, къ чему онъ клонитъ. Лучше съ умнымъ мужикомъ жить, чѣмъ съ такими неучами сиволапыми, какъ были прежде. Я много читалъ и больше бы прочелъ, но вы такъ мудренно пишете, что не разберешь. А уважать васъ какъ уважаю, вы и не повѣрите. Какъ хотѣлось бы мнѣ хоть одного изъ васъ увидѣть. Да и много-же вы для насъ сдѣлали, освободили отъ вѣковаго рабства (такъ говоритъ баринъ), сдѣлали насъ людьми. Великое спасибо вамъ, господа; безъ васъ были бы мы до сихъ поръ Прошками, и продавали бы насъ въ разбродъ, какъ дичину какую нибудь. Мы сами стали вольные и потомъ пошли освобождать другихъ съ крестнымъ знаменіемъ, стали приносить свою копейку на Сербовъ и Болгаръ. О томъ же

говоритъ Баровъ:—пускай Сербы и Болгары и всѣ народы будутъ людьми по образу и подобію нашему. „Святое дѣло“, такъ прозвали мы нашу борьбу за угнетенныхъ и обиженныхъ. А потомъ, признаюсь вамъ, я уже пересталъ васъ понимать. Вы вѣдь любите мужика. Но вѣдь можно васъ спросить: какого? Вотъ я напримѣръ купилъ дешево у барина — такой непустящій былъ — десятинъ тридцать, и стало меня брать раздумье: любите ли вы меня, или Прошку, который все свое состояніе пропилъ и въ кабакъ снесъ. Вѣдь я по вашему, пожалуй, міроѣдъ, но увѣряю васъ честью: никого не обидѣлъ и не обокралъ. Я только денегъ не несу въ кабакъ, не ворую лѣса, соблюдаю чистоту въ своей избѣ. Все своимъ трудомъ добылъ и избу двухэтажную смастерилъ. Все, говорю вамъ по чести, собственнымъ топоромъ срубилъ, да жена и домашніе помогали. А у Ивана изба вся повалилась. Отчего? Онъ что̀ получаетъ, въ кабакъ сноситъ. А жена у него въ шелковыхъ платьяхъ на праздникъ гуляетъ. А тамъ они съ Иваномъ сворую̀тъ чего нибудь, лошадь или другое, что плохо лежитъ. Сдается ужъ мнѣ, что я вамъ не любъ, а что вы больше любите Ивана и жену его. Въ „Словѣ“ вотъ говорится, плачется благомыслящій патріотъ на

воровскія наклонности крестьянъ. А развѣ по вашему надо радоваться, когда такой грѣхъ съ кѣмъ нибудь случится? Кого-же вы любите, меня, тридцатидесятиннаго мужика, трудящаго, трезваго; или того, который все пропилъ и безъ толку спустилъ! Я въ жизни ничего не кралъ, а Васька воруетъ что́ попадется, да свою жену и дочку за рубль продастъ. Батюшка тутъ меня съ толку сбилъ, говоритъ: „не тебя любятъ, а именно Прошку и Ваську; они хотя и воры, а несчастные; имъ и сочувствуютъ. А ты что́? Отъѣлся, дѣти въ школу ходятъ. Посмотри, что пишутъ“. Слышу: вы браните за то и кричите: „Ахъ ты патріотъ!“ Что это за слово? Спрашиваю у барина: Что это за слово? Что нибудь вродѣ фармазона? Мы теперь такъ бранимся — такъ нѣтъ, это, говоритъ, человѣкъ, который любитъ Россію. Извините меня, глупаго мужика, если я чего нибудь не понимаю. Кто любитъ Россію, тотъ любитъ мужика. Вѣдь наше царство по настоящаму — мужицкое царство. Много-ли васъ, баръ? Самая крошка, капля въ нашемъ мужицкомъ морѣ. Что-же тутъ худаго, браннаго въ словѣ патріотъ? Какъ-же это—любить Россію и не любить мужика, которую всю нашъ мужикъ сиволапый поперегъ искрестилъ, построилъ, въ потѣ лица обрабо-

талъ и кровью отстаивалъ отъ супостата? Развѣ нельзя любить Россію и свободу?

Я читаю слова умныхъ господъ и удивляюсь. Говорятъ они тоже: распустить армію, флота не нужно, крѣпости уничтожить. А Нѣмецъ? Что сдѣлаетъ онъ? Тоже насъ послушается? Мы по мужицки разсуждаемъ, что на медвѣдя заблаговременно надо идти, а то онъ у насъ все стадо перерѣжетъ. А вдругъ Нѣмцу на насъ вздумается и насъ захватитъ какъ Зулусовъ или Авганцевъ. А если Нѣмецъ съ нами такую штуку удеретъ какъ съ французомъ, да наши села запылаютъ и задымятъ, а мы по міру пойдемъ? Вѣдь спасибо не скажемъ вамъ, что оставили насъ беззащитными. Что́ тогда? Говорятъ, насъ много и никто не тронетъ. Что́, говорю я, сдѣлаемъ безъ пушекъ; съ одними дубинами не постоимъ противъ нихъ! Вы хотите, что-ли, раздѣлить всю землю англійской знати? И теперь уже англичане смотрятъ на насъ, какъ на скотину какую нибудь. Нѣтъ, невѣрно, что́бы ни говорили враги, но вы любите Россію. И потому вы сами патріоты. Не даромъ Щедринъ сказалъ, что онъ любитъ до боли родную Россію. Вы только смѣетесь надъ лицемѣрами. Объясните и успокойте меня, если у васъ есть любовь къ намъ мужикамъ,

что вы не хотите имъ участи Зулусовъ, Ирландцевъ, Славянъ. Я понимаю, что когда вы нападаете на флотъ, на крѣпости, вы хотите именно сказать: зачѣмъ тратить три рубля, когда можно тратить на то-же самое одинъ рубль. Но зачѣмъ вы обратили слово патріотъ въ бранное слово? Развѣ нѣтъ другаго слова, чтобы выразить вашу мысль.

Вы говорите объ изобиліи патріотовъ алчущихъ и жаждущихъ. Зачѣмъ вы не скажете прямо: обиліе мошенниковъ? Зачѣмъ тутъ слово патріотъ? Зачѣмъ грязнить слово, которое заслуживаетъ каждый русскій солдатъ, умершій подъ Плевной, на Шибкѣ? Зачѣмъ говорить: патріоту противна мужицкая скорбь. Каждая мужицкая слеза должна потрясти патріота, и онъ не можетъ относиться къ ней равнодушно, иначе онъ не патріотъ, а прахвостъ, шарлатанъ; какой-же патріотъ не думаетъ о защитѣ Россіи? Мужику не нужно флота, скажете вы. Ему также необходимъ флотъ, какъ университетъ, въ которомъ вы получаете образованіе, какъ электричество и газовое освѣщеніе и та чугунка, по которой вы ѣздите. Вѣдь тѣ деньги, которыя получаются въ казначействѣ съ насъ, идутъ на васъ, на ваши университеты, ваши заведенія. Зачѣмъ вамъ

льстить и давать поблажку худымъ повадкамъ мужика? Мужикъ такой же человѣкъ, какъ и вы, и также отвѣчаетъ предъ Богомъ. Я все на васъ смотрѣлъ какъ на друзей и потому такъ много пишу вамъ. Точно-ли вы любите насъ? Говорятъ, если кто кого любитъ, того и уважаетъ; а уважаете-ли вы мои привычки, мои вѣрованія, или вы только смотрите на меня какъ на темнаго человѣка, изъ котораго все, что́ хочешь, то и сдѣлаешь? Я не хочу продолжать и предоставляю вамъ отвѣтить самимъ по чистой совѣсти. Не любители прежде всего самихъ себя? Враги ваши говорятъ, что вамъ непремѣнно хочется быть министрами, чтобы васъ на рукахъ носили, а до мужика вамъ въ сущности нѣтъ никакого дѣла, — что вы только рисуетесь мужикомъ. Не вѣрю я этому, это—напраслина на васъ. Ваши враги не желаютъ вѣрно допустить вашего зоркаго глаза. Но есть между вами такіе, которые только красуются мужикомъ, которые льютъ слезы о народѣ, а думаютъ о собственномъ удовольствіи, о француженкахъ, о вкусномъ столѣ. Не отрицайте этого, будьте искренни. Искорените прежде всего всякое лицемѣріе. Если выносить соръ, то прежде всего начинайте съ собственной избы. Не прикрывайте сырыхъ стѣнъ кра-

сивыми картинами, потому что загадите избу, и у васъ пойдетъ плесень, и вамъ перестанутъ вѣрить. Говорите одну правду, а если между вами лихой человѣкъ забрался, выдавайте его головой, казните его сами, несмотря на то, что онъ свой, и тогда всѣ на васъ будутъ молиться. А если вамъ дадутъ присмотрѣть какъ слѣдуетъ за нашимъ мужицкимъ добромъ, обѣщаете-ли вы мнѣ, простому мужику, что вы меня не обидите, и что вы не убѣжите отъ дѣла, какъ вы уже неоднократно дѣлали въ земствѣ, городскихъ думахъ и на желѣзныхъ дорогахъ? Не будете какъ тѣ прелюбодѣи мысли зашибать куши? Обѣщаете-ли вы это мнѣ? Не будете-ли хлопотать о своемъ Петербургѣ, да объ университетахъ, да о разныхъ прикрасахъ столичной жизни, и не забудете-ли нашу родную деревенскую школу? А это необходимо.

Вотъ вычиталъ я въ газетахъ, что австрійскіе крестьяне собрались въ гости къ Императору, и эти совершенно другое заговорили тамъ, а не то, что тамъ обыкновенно говорится въ парламентѣ или у адвокатовъ. Вотъ вѣдь заговорили крестьяне, а потому только, что получили образованіе и получили свободу. Замѣчательно то, что они не допустили къ себѣ адвокатовъ, а сами стали говорить о томъ,

что ихъ безпокоитъ. Они рѣшились образовать крестьянскія общества и будутъ обсуждать нужды сельскаго населенія, избирать депутатовъ изъ своей среды или изъ такихъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, которые долго проживутъ среди крестьянъ. Тѣ австрійскіе крестьяне стоятъ за общинное провинціальное самоуправленіе. Они требовали рѣшительныхъ мѣръ противъ ростовщичества, введенія налоговъ на биржевые обороты и прогрессивнаго подоходнаго налога, наконецъ— права голоса для всѣхъ, кто платитъ налогу не менѣе пяти гульденовъ. И удивляются теперь въ Вѣнѣ тому, что крестьяне заговорили. А вѣдь это народная школа сдѣлала свое дѣло. И не разрушители вышли изъ этой школы. Они выступили самостоятельно именно потому, что опытъ либеральнаго управленія оказался нехорошимъ: они раззорялись и теряли свою землю. Говорятъ, нѣкоторыя требованія этихъ крестьянъ радикальны. Да развѣ, если мы заговоримъ, онѣ не будутъ такія-же радикальныя. Крестьяне требуютъ только того, что имъ принадлежитъ по праву.

А у васъ вѣдь вся забота о томъ: о себѣ лично; и странно, какъ это вы любите насъ! Вы все говорите, что любите насъ, а сами отъ насъ подальше. Вы тамъ въ Петербургѣ

занимаетесь разсужденіями о починкѣ тротуаровъ, чтобы ногъ не замочить, да разсуждаете, чтобъ электрическое солнце свѣтило. А много-ли васъ къ намъ-мужикамъ приходитъ, съ нами подумать, поработать, о самыхъ простыхъ насущныхъ вещахъ потолковать? Намъ и не нужно недосягаемаго, высокопарнаго, намъ нужно человѣческое существованіе, чтобы дѣти наши не умирали какъ мухи, чтобы проѣхать съ возомъ можно было по хорошей дорогѣ, чтобъ книжка хорошая у насъ для чтенія по праздникамъ была, чтобъ вы ее для насъ написали. А странно любите вы насъ: любите, а книжекъ для насъ не пишете. Какихъ-то Леухина изданій, „Бова Королевичъ“ у насъ по деревнямъ развозятъ. А у славянъ есть книжки народныя. Тамъ патріоты національные объ этомъ позаботились. Отчегобы вамъ не сѣсть и не написать такихъ книжекъ для насъ? Вѣдь разойдутся, — насъ милліоны — раскупятъ. Да вы разучились съ нами говорить. Попадется иной разъ книжка изъ вашихъ, такъ отъ иностранныхъ словъ начинаетъ рябить въ глазахъ, — и трехъ строкъ не прочтешь. Пишите для насъ и учите насъ, если не на словахъ только любите насъ и нашихъ дѣтей. Намъ хитрой механики не нужно. Когда вы сдѣлаете насъ гражданами такими,

чтобы мы могли газету читать и понять (ну, гдѣ намъ до ученности!), мы тогда все поймемъ, потому что будемъ осмысленная сила. Тогда можетъ быть и другіе народы посмотрятъ на насъ съ любовью и уваженіемъ.

Прощенія просимъ. Отозвитесь, если любите меня искренно, если вы дѣйствительно отдаете себя всецѣло правдѣ, и если вы дорожите ею и нами больше, чѣмъ собственными интересами и самолюбіемъ. Не пренебрегайте мною. Такихъ какъ я много, а всѣ они ждутъ отъ васъ свѣта. Дайте намъ его. Мы, не загадывая, пойдемъ за вами. Это вопросъ будущаго. Теперь только можно догадываться, что наша дорога будетъ широкая, просторная, гладкая, какъ зеркало, потому что по ней проѣдутъ десятки и сотни милліоновъ.“

Подпись: „Илья Черноземовъ.“

Городъ Прилуки, Полт. губ., 1881 года.

„Имѣю честь рекомендоваться вамъ, я житель Владимірской губерніи и уѣзда, казенный крестьянинъ Давыдовской волости, деревни Новые-Боровки, Антонъ Николаевъ Баровъ.

Проживая въ Полтавской губерніи года два по занятію кровельныхъ и малярныхъ дѣлъ, для меня извѣстны здѣшнія мѣстности, города въ которыхъ я искалъ и нашелъ за-

нятіе: Переяславъ, Золотоноша, Лубны, Парятинъ, Прилуки, гдѣ я нахожусь въ настоящее время. Для меня хорошо извѣстны во всѣхъ уѣздахъ селы и деревни и живущіе въ нихъ. *Колись были паны, когда было крѣпостное право, то нанимали управляющихъ, поляковъ, которые драли кожи съ мужика.* Это была такая плата за труды и они считали мужика глупѣе всякаго скота. А что же теперь мужикъ имъ говоритъ? Аще кажи, пане безъ мужика дуракъ. Гдѣ ваши земли, луга и лѣса, гордые хоромы, гдѣ вы роскошно жили и каждый день балы заводили въ домахъ вашихъ, музыка играла. А теперь жидовскій гамъ. Вотъ такъ мужикъ пана своего укоряетъ и на работу къ пану не идетъ. Крайность заставляетъ пана свое имѣніе жиду въ аренду отдавать или вовсе продать. Панъ мужику за указанное мститъ, а жидъ этому случаю радъ, на каждомъ шагу грабитъ мужика. Жиды богатѣютъ не правымъ путемъ. *Всѣ судьи жида защищаютъ. Жидъ завсегда правъ.* Они православныхъ праздниковъ не чтутъ и въ торжественные дни Рождества и Свѣтлаго праздника лавки отворяютъ и работы производятъ. А въ воскресные дни базары сдѣланы для нихъ. *Мужикъ Бога забылъ, оставилъ храмъ божій; идетъ на базаръ, вмѣсто молитвы за Освободителя своего онъ съ жидомъ*

празднословитъ. А жидъ обобралъ его. Вмѣсто поклоновъ земныхъ онъ валяется пьяный на землѣ. Вмѣсто слезъ пролить предъ Богомъ ему рожу побьютъ жиды, и кровью облитъ. За шумъ жидовъ и мужиковъ не слышно и звона колокольнаго. На это не обращаютъ вниманіе — на православную религію — и *власти предали ее поруганію жидовъ*. Въ жидовскій шабашъ не будутъ жида и судить. А въ воскресенье и въ праздничные дни имъ на все разрѣшеніе. *И мнѣ случилось испытать здѣшніе суды съ Дубовицкимъ и паршивымъ Масленниковымъ, о чемъ я постараюсь вамъ подробно описать* судей — въ особенности неплательщика судью Голенковскаго и пана Масленникова и знаменитаго адвоката ихъ Лемскаго, которые *неправдой судятъ и укоряютъ законы*. Теперь я долженъ помолчать, покуда я здѣсь. А всепокорнѣйше прошу написать мое предложеніе для внушенія народа. Потому что хохлы живутъ между панами и жидами, а изъ числа здѣшнихъ пановъ рѣдко можно встрѣтить, чтобы кто созналъ какъ должно православную религію. Такъ какъ они во время крѣпостнаго права дѣлали безчинніе съ народомъ и народъ былъ удаленъ отъ храма божія, не зналъ ни праздничныхъ, ни воскресныхъ дней — ему не было время.

Онъ не успѣвалъ отработать панской работы, что ему было накинуто по уроку. А оставить не отработавши въ воскресный день — что не получить палку или нагайку. По этому случаю о томъ, что считался православнымъ, такъ и теперь рѣдко кто обратился на путь истины. Онъ отъ пана освободился, такъ къ жиду прилѣпился. Тоже некогда въ церковь ходить. Въ праздникъ жиды нарочно заставляютъ работать и платятъ рубль, смѣясь изъ православной религіи и укоряя мужику, что съ вашей религіей все можно сдѣлать, потомъ пойти до попа и гривенникъ отдать ему и попъ всѣ грѣхи возьметъ. Вашъ спаситель сказалъ попамъ, что они разрѣшители на землѣ — то будетъ вамъ разрѣшеніе. Вотъ такъ жиды внушаютъ мужика, такъ мужикъ и дѣлаетъ. Потомъ безъ всякаго наблюденія *идетъ въ храмъ, принимаетъ святыя тайны, платитъ 10 копѣекъ попу — попъ такъ и дѣлаетъ, какъ жидъ мужику сказалъ. Онъ ихъ какъ барановъ поставитъ вокругъ алтаря нѣсколько душъ и скажетъ: прощаю и разрѣшаю.* И мужикъ вполнѣ удовлетворенъ, что онъ правъ, грѣхи попу отдалъ и летитъ прямо изъ церкви стремглавъ къ жиду радость запить. А жидъ, какъ противникъ богу и православному народу, наровитъ въ поруганіе свя-

тыни поздравить мужика и первымъ дѣломъ свою осмушку наливаетъ. Жидовскій починъ легокъ — мужикъ началъ кутить до того, что потечетъ изъ носу и изъ роту. На другой день мужикъ идетъ къ жиду поправляться. Жидъ съ поруганіемъ святыни одобряетъ мужика — и никто на это не обращаетъ вниманія. Я въ кратцѣ опишу.

Мнѣ случалось быть въ спору съ высшимъ кругомъ народа, это ученый народъ, бога не признаетъ, считаетъ все природа. Я дѣлалъ вопросъ отъ сотворенія міра, указалъ на Авраама, Ноя, Моисея и Аарона и событія пророка, Илью что пророкъ былъ и взятъ на небо, и такъ о чудесахъ Спасителевыхъ. Они все это опровергали. До неба милліонъ верстъ насчитали — что Илья и по сіе время не могъ дойти — а Спасителевы чудеса? — А событія за сказанія считали. Въ праздникъ Св. Троицы не приказываютъ рубить дерева и не ставить. Указываютъ, что синодъ это призналъ лишнимъ. О чемъ я спросилъ священника мѣстечка Щербины: въ чемъ заключается праздникъ и почему исполненіе оставлено по заповѣди св. отцовъ. Онъ на это отвѣтилъ мнѣ такъ, что прежде было лѣсу много, а теперь мало. Я спросилъ его: кто же это всѣмъ управляетъ? Богъ? — не можетъ ли Богъ сдѣлать такъ какъ

смоковница, не имѣющая плоды? Да жизнь наша отъ кого зависитъ? Это всѣ считаютъ событіемъ. Я спросилъ его: по вашему мнѣнію не нужно дѣлать никакаго событія, которое исповѣдуетъ православная религія? Нѣтъ, у насъ нѣкоторые праздники чтутся по своимъ событіямъ. Входъ въ Ерусалимъ несетъ вербу; свѣтлый праздникъ святитъ пасху, Спаса Преображеніе святитъ плоды, и ходятъ святить жито. А по его убѣжденію — это все фальшъ. *Еслибы синодъ упредѣлилъ попамъ за каждую вербу по нѣсколько копѣекъ, то навѣрно въ церкви весь иконостасъ былъ бы украшенъ — а въ прошломъ году не было въ Ивановской церкви ни одной вѣтки зелени на иконѣ Спасителя и Божіей матки.* Я удивляюсь, на что они траву стелятъ. Это тоже лишній трудъ для нихъ. Чѣмъ намъ удивляться, что въ настоящее время народъ потерялъ истинный путь и ходитъ въ тьмѣ, не встрѣчаетъ себѣ показателя, ищутъ своей воли, которая влечетъ ихъ въ неволю. Что же мы въ настоящее время за христіане. Имѣвши православнаго хрястіанскаго государя, боимся правду сказать и укорять безбожно живущихъ. Прежнее время были защитники вѣры и укоряли царей въ невѣріи и умирали завтру. А у насъ царя убили. Если мы будемъ подражать заблудшимъ — тоже

сами заблудимъ и погибнемъ въ безконечные вѣка.

Я прошу исправить мое въ чемъ либо недоумѣніе, предложить цензурѣ и написать книжку познанія вѣры христовой, откликнуться заблудшимъ и вывести ихъ изъ пропасти и показать путь истины. Неужели у насъ нѣту тѣхъ людей, которые знаютъ путь истины? Здѣшній народъ не соблюдаетъ постовъ; не говоря о рыбной пищѣ, а ѣдятъ сплошъ скоромное и указываютъ, что въ заповѣди нѣтъ писаннаго о пищѣ. *Духовные отцы не имѣютъ смысла, оправдываютъ это самоволіе,* и они также подтверждаютъ: что въ уста идетъ не грѣхъ, а изъ устъ. Слѣдовательно, по ихъ соображенію, всякая скверна можетъ приниматься въ уста. И дѣйствительно въ моисевыхъ десять заповѣдей этого нѣтъ. А это есть въ народѣ и создано богомъ. Для кого что — а мы на вѣру указываемъ. Намъ молитву читаютъ: пусть вѣра за наши грѣхи отвѣчаетъ, да насъ оправдаютъ и наказываютъ причастники славы Твоея. А если мы не будемъ имѣть вѣры, то чѣмъ оправдаемъ грѣхи свои. *Священникъ при исповѣди не требуетъ ни о чемъ, а только смотритъ, кто что положилъ ему.* Жидъ тоже подтверждаетъ православныхъ, безъ вѣры

живущихъ, что въ пищѣ грѣха нѣтъ. Мнѣ случай былъ защищать вѣру и жидъ тутъ былъ. Я спросилъ жида: почему вы, не говоря о ѣденіи пищи, во время своей пасхи, не имѣете хлѣба въ домѣ, а питаетесь опресноками? Еще были даны вопросы. Жидъ въ то время склонился на мою сторону и давай укорять священниковъ, что они не защищаютъ своей вѣры. Каждая религія имѣетъ свою вѣру, а православная нѣтъ. Прошу написать въ подтвержденіе въ вѣрѣ распущенный народъ. Я не имѣю время подробно записать. Постараюсь записать судей здѣшняго края. Я буду вамъ сообщать, содѣйствовать народъ. Ожидаю прочитать мое заявленіе въ исправленіи вашего усмотрѣнія. Покорный въ услугахъ Антонъ Баровъ.

Приложеніе.

Городъ Прилуки. Полтавской губерніи.

Въ настоящемъ 1881 году намъ астрономы по своимъ календарнымъ церковнымъ счисленіямъ предвѣщали, что будетъ въ мартѣ мѣсяцѣ какое-то событіе гнѣва божьяго для всего православнаго народа. Каждый православный христіанинъ, сочувствуя за собою грѣхи предъ Богомъ и считалъ себя виновнымъ наказаніемъ божіемъ, вѣря что это опрочувствіе, со страхомъ ожидалъ марта мѣсяца первое число. Первое число, воскресенье, былъ день тихій, безъ вѣтру и теплый, съ освѣщеніемъ солнца и каждый, благодаря бога, радостно встрѣчалъ первый день весны. Ну, все таки сердце вѣщало, что сегодня радость, а завтра плачь. Второе марта, въ 3 часа ночи получена телеграмма: Государь убитъ. Это слово подобно урагану, съ шедшимъ сильнымъ градомъ, молніей и проливнымъ дождемъ поражало все передъ собою. Каждый изъ числа вѣрующихъ въ бога и чтущихъ своего государя,

пораженъ былъ въ сердцѣ стрѣлою молніи и убитый громомъ падалъ на землю какъ отъ сильнаго вѣтру, проливая слезы подобно дождю и вопіяша, рыдающа какъ дѣти лишились своего отца, *избавителя отъ безбожно живущихъ и пьющихъ кровь христіанскую, защитника въ обидахъ и утѣшителя плачущихъ, этого однаго изъ всѣхъ вѣковъ прошедшихъ богомъ намъ даннаго на избавленіе всѣхъ народовъ. За что онъ померъ мученицкою смертью отъ руки наемниковъ, отчаявшихъ себя на такое преступленіе?*

Да это можно быть безъ чувствъ, чтобы не пролить слезы сокрушенія сердца и забыть великаго избавителя, милостиваго государя нашего Александра Николаевича. *Не видно-ли намъ всѣмъ, что онъ умеръ мученическою смертію за избавленіе насъ? Онъ въ продолженіи* 26 *лѣтъ царствованія ни о чемъ больше не имѣлъ попеченія, какъ о благѣ народа, избавилъ отъ кнута и палки, уровнилъ права простолюдина, открылъ учебныя заведенія для образованія народа.* До чего же допустилъ себя образованный народъ, мы скажемъ? А теперь буду продолжать.

Пора. По распоряженію властей города было приказано всѣмъ вообще православнымъ и евреямъ оставить дѣла, затворить лавки. Но

не всѣ это сдѣлали. Оказался неисполнителемъ властей и неимѣвшимъ сочувствія о смерти нашего государя — это еврей Рубиновичъ не затворилъ лавки и онъ никогда не затворяетъ, ни въ какіе праздники ни торжественные дни, а только была затворена его лавка, когда ихъ раввинъ померъ и въ свой шабашъ. Какъ прискорбно было смотрѣть русскому и православному человѣку на несочувствіе это. Можно думать, что онъ панскій панъ. Тутъ только и остается, въ такомъ случаѣ, противъ такого музавѣра и неисполнителя власти дать право простолюдину поступить съ нимъ своимъ распоряженіемъ. Если будетъ отворена лавка, то брать кто что знаетъ — и этимъ и можно только установить православіе. Правда, и власть города не обращаетъ вниманія и судъ у нихъ въ карманахъ, о чемъ я постараюсь написать свое посужденіе и укоризну закона здѣшнихъ судей. А мы теперь опишемъ о скорбномъ событіи мученика и государя нашего.

Въ 9 часовъ втораго марта собрались всѣ вѣрующіе и чтущіе своего государя въ соборную церковь для слушанія панихиды и отдать долгъ своему отцу избавителю и утѣшителю плачущихъ въ обидахъ, проливая слезы предъ царемъ царей, всевышнимъ богомъ,

прося въ молитвѣ своей принять душу мученика усопшаго раба своего и возлюбленнаго государя нашего въ нѣдрахъ Авраама и причитать его къ лику мучениковъ своихъ, которые въ надеждѣ на Твое милосердіе, не дорожа ни царствомъ, ни князи-княжествомъ, ни богатымъ богатствомъ, безъ страха временной смерти на побѣду вѣры христіанской и называя себя христіанами и укоряя въ заблужденіяхъ безъ сознанія бога живущихъ — дикаго-же они укоряли царей и князей и властителей.

Въ то время были цари идолопоклонники и приказывали властямъ, которыя имѣли право отъ царя принуждать христіанъ къ поклоненію и приношенію жертвъ. Въ то время каждый христіанинъ боялся казней, скрывался въ горахъ и вертѣпахъ, терпѣлъ голодъ и холодъ, а нѣкоторые тайно хранили вѣру христову, а слабый народъ боялся смерти, повиновался властямъ и отказывался отъ вѣры христовой. Ревнители-же вѣры, не дорожа своей жизнью, всякаго званія народъ, царскій, княжескій, богатый и убогій, видя чудеса въ тѣрпѣніи вѣрующихъ во Христа, охотно шли и сами на мученіе, оставляя всю прелесть всей сей жизни, выходили на торжища и рыскалища, во время праздниковъ, безъ страха

смертной казни. Укоряли въ заблужденіи царей и князей. Да не только мужскаго пола, а даже жены и дѣвицы. И они терпѣли муки, огнемъ палимы, звѣрямъ бросаемы и въ морскія бѣздны, разнаго казненія были. И всѣ эти мученики были хранимы богомъ безъ вреда — для познанія бога. А нѣкоторые, бывшіе и въ невѣріи и увидя такое терпѣніе и чудеса во избавленіи, какъ описываетъ наше житіе святой мученицы Екатерины, назвали себя христіанами и укоряли царя въ безбожіи, не дорожа его почестями и даже приняли мученическіе вѣнцы, за усѣченіе главъ своихъ. Какъ-же мы должны сравнивать милостиваго и благочестиваго православнаго христіанскаго государя нашего, который почтенъ надъ царями царемъ, надъ кавалерами кавалеръ. Нѣту тѣхъ почестей во всемъ свѣтѣ, которыхъ бы онъ не былъ достоинъ и нѣтъ тѣхъ событіевъ въ продолженіи всей жизни, которыя могли сравниться ему.

Мы обратимъ все вниманіе православныхъ и неправославныхъ на этого почтеннаго во всемъ свѣтѣ человѣка и любимаго всѣми, въ особенности простолюдиномъ милостиваго государя нашего, который умеръ мученическою смертью. *Да за что умеръ? За образованіе народа и избавленіе отъ кнута и палки и да-*

рованіе правъ простолюдину. Мученики умирали отъ руки воиновъ, по повѣленію нечестивыхъ царей. *А у насъ царь убитъ — да какой царь, православный христіанинъ и любимый всѣми державными царями и королями, князьями и вельможами, а больше всего простолюдинами.* — Да кто-же его убилъ? Его подданный, воспитанникъ, даже еще носитъ званіе русскаго. Какъ прискорбно для русскаго православнаго человѣка имѣть такое позорное пятно и укоризну отъ всего свѣта и отъ цѣлаго народа.

Чѣмъ мы можемъ оправдать себя отъ позорнаго пятна? Мы не смѣемъ сказать, что это не русскій убійца царя. Мы только и можемъ сказать, въ оправданіе русскаго человѣка, *что у насъ называется русскимъ только тотъ, который сознаетъ надъ собою бога и вѣруетъ въ господа нашего, Іисуса Христа и чтетъ своего государя,* какъ помазанника божьяго и повинуется его властямъ. Мы можемъ и такъ сказать, *что это убилъ не русскій, а студентъ. А къ чему упредѣлитъ этихъ студентовъ? Мы мало грамотные не можемъ, пусть упредѣляютъ учителя, которые учатъ.* Мы нерѣдко слышали отъ много ученаго народа, который не сознаетъ надъ собою бога и считаетъ всѣ созданья божіи отъ природы. То

можетъ-ли онъ чтить своего государя и повиноваться его властямъ. Что намъ и удивляться, чт отакой народъ не любитъ государя. Мы можемъ и такъ сказать, что *каждое созданіе по образу божію имѣетъ свою религію, правую или неправую, намъ этого не извѣстно.* Ну, которые живущіе безъ сознанія бога, то извѣстно, что только образъ носятъ человѣческій и титулъ русскаго, а его можно считать хуже всякаго животнаго и звѣря хищнаго, который живетъ на свѣтѣ для вреда всякаго народа.

Да нужно обратить вниманіе намъ на то, *кто былъ повѣлитель на убійство. Это каждый скажетъ, что они не въ состояніи сами,* до крайняго искушенія сдѣлать. Да не одпаго убили государя, а вѣрныхъ и служащихъ ему какъ христіане, исполнителей съ вѣрою и правдою повѣленій его. Вотъ это и для каждаго видно, что были и защитники у царя и всей Россеи и достойные своего сана, какъ отъ царя земнаго такъ и отъ небеснаго. Умерли за вѣрную службу для всей Россеи, вмѣстѣ съ нашимъ государемъ, который неусыпно трудился о благѣ народа и за всѣ свои труды по освобожденію народа и пріобрѣтенную славу для всей Россеи мученическою смертію умеръ со своими сотрудниками Мезенцовымъ и. т. дальше.

Теперь обратимъ вниманіе на себя. Какіе же мы называемся православными христіанами, что каждый изъ насъ старается какимъ быто ни было путемъ дослужить себѣ почесть отъ своего государя и при счастіи дорожа своею жизнью, забывъ отъ кого даны ему почести и счастіе? Не можно-ли это каждому сочувствовать, что счастливымъ сдѣлаетъ каждаго человѣка царь небесной, а несчастіе получаютъ всѣ народы отъ царя земнаго. Не прогневается ли на насъ господь за данное намъ счастіе и не лишаетъ ли царской награды за несочувствіе наше? Не всѣ-ли мы счастливы отъ Господа и не всѣ-ли должны сочувствовать и не благодарить небеса и не дорожить жизнью за царя земнаго, князья и вельможи, за данныя имъ почести и награды, а простолюдамъ за избавленіе отъ палача и неволи? Не вѣдомо-ли для насъ, что намъ господъ послалъ возлюбленнаго помазанника своего на избавленіе рода человѣческаго, *на образованіе народа и на славу человѣческую и Россеи, и за все его милосердіе и неусыпные труды предалъ въ руки* крамольниковъ? Я такъ полагаю, что каждый, который сознаетъ себя православнымъ христіаниномъ, считалъ бы за великое счастіе умереть вмѣстѣ съ своимъ государемъ. Для чего-же намъ бояться какаго

нибудь зла, мстящаго нашему государю? Не видно-ли для насъ до сихъ поръ нѣсколько покушеній на жизнь упокойнаго Государя? *Что дѣлали соціалисты? Стрѣляли, покупали домъ въ Москвѣ подвести мину подъ дорогу, да еще и дворецъ хотѣли поднять на воздухъ — и на все это смотрѣли сквозъ пальцы, о чемъ были предупреждены и упокойнымъ Государемъ нашимъ, чтобы домовладѣльцы слѣдили за своими квартирантами* и приказывали дворникамъ смотрѣть, и это все какъ было сказано, *такъ осталось, рукава спустя,* не было исполнено его приказаніе.

Какъ не сожалѣть и не оплакивать его мученической смерти? Онъ былъ увѣренъ въ сочувствіи какъ властей, равно и домовладѣльцевъ, что приняты мѣры къ строгимъ наблюденіямъ, видя неоднократныя покушенія. Ну, Господь хранилъ жизнь своего возлюбленнаго для уликъ безчувственному народу, который забылъ его предложенія, также и для познанія Бога этимъ крамолникамъ и слугамъ сатаны. Не хуже-ли они идолопоклонниковъ, которые вмѣняли волхвованіе чудесамъ въ мукахъ терпѣнія святыхъ. Такъ и оные соціалисты слуги діавола. *Кѣмъ они наняты?* Не сочувствуя чудеснымъ избавленіямъ своего государя отъ многократныхъ покушеній, про-

исходившимъ отъ бога и считая это, по своему безбожію, за неудачу и въ надеждѣ на слабое предостереженіе властей и домовладѣльцевъ — и они всетаки достигли своей цѣли — убили нашего отца и избавителя и утѣшителя плачущихъ, всѣхъ простолюдиновъ не только въ Россеи, а и подъ игомъ мусульманъ живущихъ. Дѣйствительно мы должны думать и сознать себя *виновными предъ богомъ за неисполненіе его заповѣдей, такъ какъ мы не говоря уже о несоблюденіи постовъ и непочитанія праздничныхъ и воскресныхъ дней, а даже почитаемъ себѣ тягостію или стыдомъ. За грѣхи наши господь насъ наказалъ и осиротѣлъ какъ дѣтей любящихъ отца* и солнца земнаго, которое сіяло подобно солнцу во всей вселенной во всей славѣ и могуществѣ, каждому равно — князя, богатаго и бѣднаго. Плачемъ мы и кричимъ: увы намъ грѣшнымъ! Многомилостивый господь, во всемъ есть твоя святая воля.

Да какже мы не должны сочувствовать себя виновными въ своемъ непредупрежденіи? Невидно-ли намъ день ото дня умноженіе злодѣевъ, ищущихъ жизни нашего государя? Не трогаетъ-ли сердце сына, любящаго своего отца, который предлагалъ передъ своею смертію дать какое-либо лекарство или пищу, а ему было отказано, то считалъ себя виновнымъ

за неисполненіе требованія? И мы всѣ должны умереть, а безъ причины смерти нѣтъ. А это убійство, да еще среди дня и при множествѣ народа. Да кто у насъ не сочувствуетъ и не плачетъ о мученической смерти нашего государя? *Не было имъ приказано, чтобы слѣдили домовладѣльцы за своими квартирантами, но всѣ на это не обращали вниманіе, а только каждый интересовался взять больше денегъ за квартиру.* А о томъ и надобности нѣтъ, что въ его домѣ живутъ сотрудники антихриста и только и занимаются какими нибудь орудіями лишить жизни отца-избавителя. Теперь у насъ у каждаго хватилось, какъ солнце закатилось. Каждая держава будетъ на русскаго человѣка смотрѣть какъ на хищнаго звѣря. Ты многомилостивый Господь вѣли нашу скорбь и прости намъ согрѣшеніе наше. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ насъ скажутъ, *что это Рысаковъ и его товарищи наймиты. Они исполнили свои обязанности какъ работники, по приказанію хозяина. Кто-же ихъ хозяинъ, который платилъ имъ жалованье и давалъ содержаніе?* Намъ неизвѣстно. А только мы можемъ говорить о подражаніи, какъ если замѣчено между нами недобросовѣстность живущихъ, какъ если кто въ кражѣ замѣченъ, то къ нему идемъ съ обыскомъ. Также между

нами есть живущіе и зломъ дышущіе за права и освобожденіе народа. Вотъ тѣ-то и представляютъ всѣ средства для совершенія зла и бросаютъ отраву между заблудшими. *И много ученаго народа, живущаго безъ религіи, прельщая антересами. А для ученаго народа труды противны,* а должность какая либо по службѣ тоже требуетъ повиновенія и служить властямъ. А они мечтаютъ по себѣ и по своей могучести быть сами властелинами, а имъ никто не хочетъ повиноваться, такъ какъ они заблудшіе по всѣмъ заповѣдямъ божіямъ, а мы должны забыть своего милостиваго государя. Нѣтъ не забудемъ, а будемъ просить всемилостивѣйшаго бога въ молитвахъ своими слезами о спасеніи души его, какъ Спасителя умершаго за спасеніе насъ отъ кровопійцъ, каждый день былъ облитъ кровью, мученія получали крѣпостные за свои труды, да не только мужской полъ, а вѣдь съ нимъ и дѣти. Можно-ли думать, что народъ такой не былъ мстителенъ за лишеніе его правъ?

Дѣйствительно — тотъ не пойдетъ подымать бомбы и убивать государя, а у него есть средства нанять такихъ какъ Рысаковъ, а чего не хватитъ, то жидъ дастъ. Они то-же мстятъ, что съ нихъ теперь дорого берутъ. За что въ военную службу не идутъ бо-

гачи служить, — не здоровы. А мошенничать богатыри! Я самъ испыталъ нѣкоторыхъ полтавскихъ судей прилукскаго уѣзда. У меня жидъ Дубовицкій порвалъ условіе, сдѣланное съ нимъ по работѣ въ синагогѣ и пропало моихъ 475 руб., о чемъ я постараюсь подробно описать, судью Голенковскаго и неплательщика Масленникова и еще нѣкоторыхъ судей, которые неправдой судятъ и укоряютъ законы, и неправымъ судомъ думаютъ обидѣть мужика и возбудить противъ правительства. *Но мужикъ скажетъ, что законъ правъ, а судья нѣтъ, что судитъ то неправый судъ. Мужикъ вполнѣ увѣренъ, что онъ на панщину не пойдетъ и за палку и нагайку работать не будетъ. Онъ покойно спитъ, бока и спина его не болятъ, онъ молится по своему Освободителю и вспомнитъ,* какъ онъ прежде все терпѣливо переносилъ, боясь выйдти изъ повиновенія своему Государю, повиновался властямъ — и не было никакого покушенія не только противъ государя, или своего пана или даже и самаго того мучителя и кровопійцу, какого-нибудь шляхту, нанятаго панами. Не боялся онъ ихъ мщенія избавляя человѣка и уровнялъ ихъ права противъ своихъ мучителей. Для его вѣсть была, что нужно, за избавленіе нѣсколькихъ милліоновъ народа умереть мучени-

ческою смертію. Да и намъ видно было съ котораго времени покушались на жизнь его. Ну господь хранилъ жизнь его, какъ возлюбленнаго своего помазанника.

Будемъ-же мы просить царя, пусть намъ выдадутъ этихъ политическихъ преступниковъ и отвѣчаю за содержаніе ихъ. А если мы будемъ молчать и бояться сотрудниковъ антихристовыхъ, то они могутъ и вовсе насъ осиротѣть. Теперь мы еще не вовсе лишились надежды въ помощи, мы имѣемъ наслѣдника престола, такого-же отца. Прибѣгаемъ къ нему и будемъ просить оградить себя нельстецами какими-либо, а религіознымъ православнымъ народомъ по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ Россеи, потому что оныхъ крамольники во всѣхъ концахъ Россеи мы видимъ зломъ дышущими, и нѣкоторыхъ судей укоряющихъ законы, неправдой судящихъ и антересамъ жидовъ живущихъ и во всѣхъ дѣлахъ ихъ защищающими. Жиды не пашутъ, не орутъ, и въ службу царскую нейдутъ, чисто ходятъ, мягко спятъ, себя не безпокоятъ замковъ ломать, къ амбару не пойдетъ, а онъ такого мужика найдетъ, который украдетъ, — ему принесетъ, у него-же все пропьетъ. Жидовскій легкій трудъ. Обвѣситъ и незаплотитъ мужику. Онъ знаетъ, съ кѣмъ подѣлиться

легкимъ трудомъ и вполнѣ увѣренъ, что онъ во всѣхъ недобросовѣстныхъ дѣлахъ будетъ правъ. Коварство нѣкоторыхъ пановъ и жидовъ описать трудно, подобно сказанію Іоана Златоуста о злой женѣ. А подстрекатели во тьмѣ сокрыты, и не видны ли для насъ нѣкоторые судьи, неправдой судящіе и чужимъ трудомъ живущіе. Главные обирохи Крыжевскій, укоритель православія Голенковскій. Подобные судьи заставятъ молчать не только въ обидахъ, въ неуплатѣ денегъ за трудъ или товаръ, а даже нужно молчать и противъ политическихъ преступниковъ, которые сѣютъ какъ сѣмена, по простонародію, укоризны противъ правительства.

Разумѣется, находятся и такіе люди, которые отравляются этимъ ядомъ и впрятъ многообразованному народу, а только это тѣ, которые не исполняютъ православной религіи, это живущіе между жидами, неговоря о панствѣ и о высшемъ народѣ. А и простолюдины, и причетники церковные не наблюдаютъ постовъ, а только держатъ обряды православія вѣрно для облизиру, чтобы считаться православными христіанами и наложить исполненіе на православную вѣру и православнаго человѣка. Мы много встрѣчали такихъ, которые нажрутся скоромной пищи и идутъ принимать

святыя тайны. *Гдѣ тутъ наставники? Остались одни наёмники. Тѣмъ нужны деньги, а за деньги могутъ причастить и жидятъ, не только образованнаго человѣка.* Они считаютъ это не за своею отвѣтственностію. Почему архіереи не внимаютъ, что сказано Спасителемъ: если будетъ сказано на небеси, а если разрѣшено на земли, то будетъ разрѣшено и на небеси. Не понимаетъ этого только, что *живетъ безъ смысла и въ антиресахъ погибающій народъ.* Хотя бы они взяли примѣръ съ суда земнаго. Если бы былъ приведенъ къ судьѣ земному какой-либо политическій преступникъ, противъ законнаго государя, какъ мы теперь видимъ, а судья бы ихъ отпустилъ, спросивъ ихъ, дураковъ, будетъ-ли снова грѣшить? Что-бы эти дураки сказали, кого они считаютъ теперь дураками? — Я вполнѣ увѣренъ, что они-же считали бы ихъ дураками, а хуже хищныхъ звѣрей, хуже идолопоклонниковъ, и гнушались бы не только пить и есть, а били-бы ту посуду, изъ которой они жрали и считали-бы за грѣхъ съ ними что-либо бесѣдовать. Каждое созданіе по образу божьему живетъ при сознаніи своей религіи, а эти чудовища хотятъ приманить для соблазна народъ противъ закона божьяго и царскаго. Нельзя-ли ихъ назвать подобными искусителю рода человѣ-

ческаго и сотрудниками антихриста? Они только называются соціалистами и считаютъ этотъ титулъ почтеннымъ для себя, потому, что его православный и чтущій бога и своего государя носить не будетъ. Да они тѣхъ не пригласятъ, потому что православный человѣкъ не утерпитъ скрыть въ себѣ зло на того, кто его создалъ и кто хранитъ его жизнь. Я вполнѣ увѣренъ, что каждый простолюдинъ и чтущій бога понимаетъ такъ, какъ и предки наши, скажутъ что создалъ насъ богъ и любящій насъ послѣ помазанника, который хранилъ отъ врага и супостатовъ. Мы теперь освобождены. Какъ переносили наши предки, живши подъ игомъ татаръ, а въ наше время избавлены отъ ига много хуже татаръ, это безрелигіозно живущихъ пановъ. Какъ мы теперь ихъ видимъ, ихъ были свиты тамъ гнѣзда, когда служилъ тамъ мужикъ за палку и нагайку. А теперь въ ихъ гнѣзда жидъ дѣтей плодятъ. Ну какая жалость, что мужикъ это забылъ, что онъ вмѣсто палки и нагайки получаетъ рубль. За палку и нагайку онъ панству былъ радѣтель и за труды свои кровью былъ облитъ и въ трудахъ тѣхъ не зналъ ни праздниковъ ни воскресныхъ дней. Онъ и теперь не знаетъ съ рублемъ, гдѣ жидъ, и за господь его принимаетъ. *Мужикъ теперь и ночи мало спитъ*,

а все въ шинкѣ сидитъ. Жидъ его пьянымъ напаиваетъ и на легкій трудъ посылаетъ — чужое взять и жиду отдать. Не видно-ли намъ теперь, какъ живущій при волѣ народъ попадаетъ въ неволю. Какой-же наши соціалисты ищутъ воли? Это нужно указать. Я хотѣлъ спросить этихъ соціалистовъ: гдѣ вы теперь со своими путеводителями вмѣстѣ съ сатаной въ пропасть будете заманивать? Да не поможетъ имъ господь соблазнять русскій православный народъ. Для насъ чудно на нихъ смотрѣть, что они учились двадцать лѣтъ и говорятъ, что бога нѣтъ. *Пьяницы и безрелигіозные вѣрятъ имъ.*

Вотъ въ томъ наша бѣда, мы живемъ безъ пастыря, какъ овцы заблудшіе, у насъ некому показать намъ путь, никто не скажетъ намъ о правдѣ, о событіяхъ и поспросить блудящій народъ къ кому онъ идетъ? Не слышимъ мы ни отъ кого, какъ прежде было, что Израильтяне подъ игомъ Фараоновъ жили и какъ они терпѣли и кто избавилъ ихъ. Могла же это сдѣлать природа и воля народа. Когда они были подъ игомъ въ землѣ Фараоновъ, то за неотпущеніе ихъ поѣдали плоды ихъ песьи мухи, поля побилъ градъ, а грады и селы огню преданы. Тамъ всѣ сказали, что есть надъ нами богъ. А все это не избавило на-

рода. Его избавилъ во первыхъ Моисей. Онъ чудо сдѣлалъ, провелъ народъ по дну моря. А что же сдѣлалъ Фараонъ, гнавшійся за ними? Его въ морѣ потопило, — и это намъ извѣстно, и что дана имъ была пища въ пустынѣ и наказалъ ихъ господь за неповиновеніе и преступленіе заповѣдей.

А вѣрующихъ въ бога и чтущихъ государя милліоны. Ошибаются они въ своихъ разсчетахъ. Не соблазнятъ крикомъ и лукавымъ путемъ всего народа. Намъ *виденъ ихъ обманъ, что они ищутъ вмѣсто воли — это мщеніе за освобожденіе народа. Они лишили его временнаго царства, которое будетъ царствомъ безконечнымъ.* Всѣ его труды будутъ описаны, до скончанія вѣковъ незабвенные. Мужики будутъ передавать дѣтямъ своимъ, чтобы они вѣрно исполняли, какъ и мы исполняли съ вѣрою и правдою событія и вѣримъ, что это дѣйствительно было справедливо, а не ложно — что только тѣ не вѣруютъ, которые не сознаютъ Бога надъ собою. Въ томъ, чтобы они были увѣрены въ описаніи жизни нашего государя, который жилъ для пользы и блага всего народа, Богъ хочетъ всѣхъ въ справедливость и въ разумъ привести его мученическою смертію. Можетъ быть нѣкоторые сознаютъ и увѣруютъ въ нелож-

номъ описаніи господа нашего Іисуса Христа, который въ продолженіи жизни своей не сдѣлалъ никакого зла, кромѣ добра и творилъ чудеса, воскресилъ Лазаря, слѣпымъ давалъ зрѣніе, глухимъ слухъ, больнымъ здравіе. Пусть они поймутъ, что этимъ никому помочь не могутъ, какъ они поступаютъ.

V.

Что надо дѣлать?

Въ русской жизни всегда было мало мѣста общественной иниціативѣ. Все зависѣло отъ верховной власти; реформы, стоившія потоковъ крови въ другихъ государствахъ, были произведены съ верху внизъ, безъ всякаго участія общественныхъ и народныхъ силъ. Общество проснулось въ одинъ прекрасный солнечный день, а на него уже сыпались всѣ благодѣянія. Приходилось только удивляться такому пріятному сюрпризу, новой обстановкѣ и новымъ условіямъ жизни. Эта праздничная, красивая обстановка смѣнилась очень скоро и неожиданно (какъ обыкновенно — къ концу царствованія) тяжелымъ временемъ. Русское общество ожидало терпѣливо наступленія лучшихъ дней — и такъ до безконечности, безъ всякаго проблеска самодѣятельности и энергіи. Даже трудно и опредѣлить, чего собственно желаетъ русское общество, кому оно сочувствуетъ — разрушителямъ-ли или государ-

ственной власти, — такъ всѣ его стремленія были сбивчивы, запутанны и неопредѣленны. Общество сочувствовало декабристамъ, и трусило и боялось за свое существованіе.

Такимъ общество осталось и понынѣ. Войдите въ какой нибудь салонъ и послушайте, о чемъ тамъ говорятъ, о чемъ воздыхаютъ, чего желаютъ русскіе люди. Общій тонъ этихъ разговоровъ поразитъ васъ своимъ радикализмомъ. Всѣ недовольны, всѣ негодуютъ на бѣдность русскаго мужика, на тяжесть податей, на злоупотребленія бюрократіи. Слышатся язвительные насмѣшки и остроумныя рѣчи о самыхъ выдающихся лицахъ русскаго государства. Стихи, вызывающіе къ революціи, статьи, окрашенныя опозиціоннымъ духомъ пользуются наибольшимъ сочувствіемъ. Чего больше нужно? — подумаетъ какой нибудь наивный юноша, слушая эти салонные толки, — общество не сочувствуетъ правительству — и я сейчасъ пойду и вступлю въ ряды нашихъ революціонеровъ. Этотъ наивный юноша и не пойметъ никогда той двойственности, которая вмѣщается въ русскомъ человѣкѣ. Онъ слишкомъ честенъ, слишкомъ благороденъ, чтобы понять, какъ можно толковать о мужикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ загребать куши, бранить правительство и стараться сор-

вать всякія extra, въ видѣ подъемныхъ, столовыхъ и т. д. Ему будетъ казаться, что все общество охвачено революціоннымъ пыломъ, что разные прелюбодѣи мысли готовы раздѣлить свое имущество между несчастными и обездоленными и идти въ станъ погибающихъ за священное дѣло любви. Русское общество издавна было трусливо и блудливо, и когда появлялись люди дѣла, а не слова, и поставили вопросъ ребромъ — оно, пока это было возможно и безопасно, аплодировало Вѣрѣ Засуличъ; но когда почувствовалась палка строгаго владыки — оно притихло, смутилось, потупилось, какъ наивная институтка. Пожары, убійства изъ за угла—все это такія зрѣлища, къ которымъ русское общество скоро привыкло. Когда, вслѣдъ затѣмъ, явились казни, то у русскаго общества не было ни сочувствія, ни сожалѣнія къ безвременно погибавшимъ жертвамъ. Разговоръ о какомъ нибудь подобномъ событіи велся вмѣстѣ съ разговоромъ о какой-нибудь театральной новости, о Паска, о злоупотребленіяхъ театральной дирекціи, о новой книгѣ. Поговорятъ и вскорѣ забудутъ. Новый процессъ и новая казнь — то же равнодушіе и то же спокойствіе. Если-же революціонерамъ удавалось выкинуть какую нибудь смѣлую штуку, то имъ аплодировали

также какъ Испанцы, присутствуя на боѣ быковъ, аплодируютъ побѣдителямъ. Всѣ адресы, подаваемые по этому случаю почти всѣми общественными группами, были только результатами вѣковаго лицемѣрія и вилянія, а не представляли собою негодующаго крика общества, знающаго себѣ цѣну и желающаго пойти на помощь правительству въ борьбѣ съ крамолою. Въ этой борьбѣ власти противъ революціи, общество оставалось въ сторонѣ и относилось ко всему какъ посторонній зритель, не принимая участія ни въ той, ни въ другой партіи. Вальберъ (Révue de deux Mondes) очень хорошо подмѣтилъ эту черту за обществомъ. Оно, не сочувствуя вовсе убійствамъ посредствомъ нитроглицерина и динамита, въ тайнѣ думаетъ про себя: однако и самовластіе не представляетъ собою прелести. Что лучше, что хуже остается еще рѣшить.

При этомъ скука, апатія, какое-то полудремотное состояніе царитъ въ обществѣ. Общество недовольно настоящимъ строемъ, оно сознаетъ, что такъ жить нельзя. Оно извѣрилось во всемогуществѣ бюрократіи, въ цѣлебномъ дѣйствіи разныхъ комиссій. Оно знаетъ, что это есть только случай для „ничего не дѣланія“ при полученіи жирныхъ окладовъ. Общественное одушевленіе въ 1876 году, когда

масса добровольцевъ бросилась освобождать Сербію и то участіе, которое проявило общество въ трудахъ Общества Краснаго Креста указываетъ, какъ сильно русское общество жаждетъ какой-нибудь дѣятельности. Послѣдняя война была встрѣчена съ восторгомъ и одушевленіемъ, потому что нарушала обычное затишье и спокойствіе. Вспомнимъ слова Монталамбера, точно написанныя для Россіи: Только въ высшей степени, — говоритъ онъ, — развитыя разнообразныя общесственныя права, и законное признаніе вмѣщательства личной воли частныхъ лицъ въ дѣла общественныя, способны сломить въ самомъ зародышѣ его то пагубное для государства однообразіе, которое всюду воспитывается централизаціею и бюрократіею. Послѣдняя навѣваетъ на жизненные элементы безотчетную скуку и томленіе, которыя для современнаго общества являются одною изъ *существеннѣйшихъ и величайшихъ опасностей*. Если русское общество только томится и скучаетъ отъ недостатки дѣятельности и взираетъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ на борьбу власти съ крамолой, то въ чемъ же заключается сокровенная мысль русскаго общества?

„По больше правъ, больше свободы — говоритъ князь Мещерскій, — разширеніе по-

литическихъ полномочій общества, вотъ та злоба дня, вотъ то чудесное леченіе, которое должно со дня на день изъ общества, коего сановники и генералы публично аплодировали Вѣрѣ Засуличъ и коего низшіе слои воспитывали Дубровиныхъ и Соловьевыхъ, создать сегодня общество великихъ гражданъ и честныхъ патріотовъ". Консервативный лагеръ устами кн. Мещерскаго, признаетъ, что злоба дня заключается въ расширеніи общественныхъ правъ, въ конституціонной жизни. Руководители нашихъ судебъ, — говоритъ Марковъ, — должны убѣдиться, что общество настолько выросло, что нуждается въ гораздо болѣе близкомъ участіи въ устройствѣ собственной своей жизни, чѣмъ оно было до сихъ поръ. Всѣ писатели, за исключеніемъ Мещерскаго и Незлобина, поютъ гимны конституціонной жизни, на сколько это возможно при нынѣшнихъ цензурныхъ условіяхъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ : призовите насъ и дайте намъ распорядиться русскою землею, тогда никакихъ покушеній не будетъ; нигилизмъ исчезнетъ, когда общество будетъ призвано къ здоровой нормальной дѣятельности. Мы обыкновенно вѣримъ тому, что желаемъ и появленіе слуховъ въ извѣстномъ духѣ указываетъ на настроеніе общества. По всей Россіи проле-

таетъ какъ молнія слухъ: теперь пишутъ конституцію, ее дадутъ 26 августа, нѣтъ — 19 февраля. Мы знаемъ это изъ достовѣрнаго источника. Болгаре получили конституцію — и намъ дадутъ. Вотъ на чемъ вертится разговоръ. Русское общество и грезитъ и бредитъ конституціей, какъ ребенокъ наканунѣ сочельника о ёлкѣ — и вотъ отворятъ дверь и родители скажутъ: ты былъ паинька, вотъ тебѣ ёлка въ подарокъ. Что-то дѣтское, наивное сказывается въ этомъ неудержимомъ желаніи. Когда московское дворянство просило о дарованіи конституціоннаго права русскому народу, одинъ французъ высказалъ очень мѣтко: „On ne demande pas une constitution, on la prend“. Русская интелигенція стремясь къ конституціоннымъ формамъ, чувствуетъ себя въ положеніи офицера безъ солдатъ. Русскій народъ и не понимаетъ, что такое конституція, и будетъ, по мнѣнію многихъ, всегда на сторонѣ Граціанскаго. Этотъ мрачный, фаталистическій взглядъ на русскую дѣятельность окрашиваетъ всѣ произведенія нашихъ лучшихъ писателей. Чувство безпомощности, одиночества русской интелигенціи выражается самымъ рельефнымъ образомъ въ сатирѣ Щедрина. Владѣтель Монрепо, олицетворяющій собою всю русскую интелигенцію, говоритъ про себя:

„ничтожный я, ничтожный ваше благородіе, г. Граціанскій. Какъ вы полагаете, легко ли съ этимъ эпитетомъ на свѣтѣ жить. „Ничтожный“ — это подлежащее, сказуемое — фюитъ. Вообще я не понимаю, изъ за чего г. Граціанскій тревожитъ себя и хлопочетъ. Допустимъ, что я дѣйствительно недоволенъ и съ своей личной точки зрѣнія и съ общей философской, допустимъ, что я, возложа на одрѣ, читаю Кювье, Маркса, Прудона и даже, horribile dictu, такую заразу, какъ „Впередъ“ или „Набатъ“. Но развѣ быть недовольнымъ про между себя воспрещается. Развѣ гдѣ нибудь написано: вмѣняется въ обязанность во что бы то ни стало быть довольнымъ. — Если интелигенція такая политическая ничтожность, то власть всегда можетъ отказать ей въ этомъ подаркѣ на ёлку. Она можетъ повторить на всѣ лады фюитъ, — и дѣло съ концомъ. Всѣ очень хорошо понимаютъ, что интелигенція одна не представляетъ собою силы. Весь центръ тяжести лежитъ въ народныхъ массахъ. Все это не мѣшаетъ однако отдѣльнымъ обществамъ, группамъ и лицамъ играть въ оппозицію. — Власть, еще сегодня сильная въ народномъ сознаніи, теряетъ съ каждымъ годомъ почву подъ ногами; въ борьбѣ съ кра-

молою власть теряетъ съ каждымъ днемъ свой авторитетъ. Не имѣя интелигенціи за себя, власть въ концѣ концовъ должна выйти побѣжденною изъ борьбы. Говоря эти слова мы разумѣемъ одинаково и консервативный и либеральный лагеры интелигенціи. Вспомнимъ роль правительства въ борьбѣ съ „Московскими Вѣдомостями“. „Московскія Вѣдомости“, благодаря своимъ ярымъ нападкамъ, явились даже популярными въ глазахъ многихъ. Блестящія рѣчи Аксакова въ восточную войну приковали къ его личности всеобщее вниманіе. Цитовичъ, Мещерскій, нападая на либерализмъ, не обходились безъ ѣдкой критики на существующихъ представителей власти, и изъ этой дѣятельности власть выходила умаленная, униженная. Какъ въ полу-разрушенной, покачнувшейся усадьбѣ всякій, у кого руки есть, старается разбить стекло или отбить карнизъ — такъ и другъ и недругъ правительства старались поколебать авторитетъ одной власти и угодить другой власти — общественному мнѣнію. Кому аплодировало общество? Какому нибудь провинціяльному редактору, который произнесъ блестящую рѣчь противъ провинціальныхъ порядковъ и, сторонкою, задѣлъ злобу дня (Николадзе.) Кому сочувствовала Россія, какъ не Баранову,

когда изъ устъ его мы слышали много ѣдкихъ словъ на Морское Министерство. Общество, какъ цѣлое, всегда остается въ сторонѣ, но оно окружаетъ своихъ временныхъ любимцевъ завидною репутаціею. Мы говоримъ о единичныхъ случаяхъ опозиціи, изъ которыхъ имѣющіе уши могутъ услышать „злобу дня“ общества. Но были и колективные протесты, которые дѣлались обществомъ, и которые давали ему возможность высказать свою излюбленную мысль. Самое движеніе добровольцевъ въ Сербію и дѣятельность Славянскаго комитета была оттого такъ популярна, что въ нихъ чуялся новый опозиціонный элементъ. Общество конечно ограничивалось демонстраціей и потомъ отвернулось отъ всего вопроса. Затѣмъ началось чествованіе Тургенева и всѣ участники этого чествованія говорили о томъ, что все это чествованіе имѣло характеръ конституціонный. Послѣ этого чествованія явилось Пушкинское празднество (дебошъ по поводу Пушкина, по словами Цитовича), въ которомъ очень ясно выразилось, чему сочувствуетъ извѣстная среда. Вмѣстѣ съ этими чествованіями шла дѣятельность революціонеровъ, которая указывала на то, что столь страшная власть теряетъ съ каждымъ днемъ свою силу и свой разумъ.

Потомъ заговорили, сначала робко, и общественныя группы. Среди массы адресовъ ничего не выражавшихъ, выдѣлились адресы полтавскаго и харьковскаго земствъ. Все что говорилось въ этихъ адресахъ, было робкимъ намекомъ на что-то всѣми подразумѣваемое и понимаемое. Но этихъ намековъ было совершенно достаточно, чтобы облечь героевъ этихъ адресовъ извѣстнымъ ореоломъ среди общества. Ma respectation est faite — могли сказать про себя Гордѣенко, Рагозинъ, Де-Роберти и др. Нельзя отрицать того обстоятельства, что смѣлыя попытки революціонеровъ подняли духъ общественныхъ силъ. Власть оказалась не такою страшною въ глазахъ цѣлой массы людей. Самая прогулка въ страны отдаленныя и холодныя явилась въ глазахъ протестантовъ шуткою или пустякомъ въ сравненіи съ спокойною отдачею своей жизни на службу идеи, которую проявили Дубровинъ, Лизогубъ и др. Многіе кокетничали даже тѣмъ, что ихъ могутъ посадить въ кутузку. Въ трусливомъ и запугаемомъ обществѣ стали возникать характеры. Но въ дѣятеляхъ прессы мы видѣли, что этого гражданскаго мужества нѣтъ. А цѣлое общество стало высказываться смѣло и рѣшительно; въ чествованіи Достоевскаго въ день его погребенія выразилась

все таки опозиція общества, жаждущаго чѣмъ нибудь проявить свое несочувствіе извѣстнымъ формамъ. Кто-то сказалъ, что это былъ revue générale du nihilism. Это не совсѣмъ вѣрно. Все общество не можетъ быть охвачено нигилизмомъ; но всѣ жаждутъ высказаться, демонстрировать, играть въ опозицію. Вслѣдъ затѣмъ высказалось петербургское дворянство.

Петербургское дворянство высказалось за отмѣну административной ссылки и произвола. Другіе ораторы говорили и о расширеніи общественныхъ полномочій. Малое количество посѣтителей на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ показало, что общество отнеслось и поняло эту комедію въ парламентаризмъ. Послѣ событія 1 марта, въ числѣ вѣрноподданническихъ адресовъ, одно земство отказалось подать адресъ; два земства подали адресы, но прибавили къ нимъ сокровенную, дорогую для интелигенціи формулу — выслушать голосъ народный. Ореолъ, которымъ успѣлъ окружить себя Соловьевъ, благодаря своей смѣлой и правдивой рѣчи — все это симптомы стремленій интеллигенціи, и съ этими стремленіями придется считаться рано или поздно правительству.

Возьмемъ еще другой симптомъ—постоянно повторяющіяся студенческія исторіи. Что онѣ означаютъ? Вся пресса будетъ до изнеможе-

нія твердить учащейся молодежи: ваше дѣло учиться, а не играть въ политику — а все таки дѣлу не поможетъ. Отчего? Отвѣчу наставленіемъ исторіи. Къ несчастію, исторія у насъ въ Россіи остается на заднемъ планѣ, а только она одна могла бы воспитать юношество на болѣе разумныхъ началахъ. Исторія намъ говоритъ, что молодежь всегда самая искренняя, честная и подвижная часть общества, и когда зрѣлые люди изъ боязни за семью, за дѣтей, за свой очагъ, за свое состояніе мирятся со зломъ, съ произволомъ, молодежь, не имѣя никакихъ связей въ жизни, бросается въ опасность, очертя голову. Во время священнаго союза въ Германіи выступили буршеншафты. Зандъ убилъ Коцебу. Кто протестовалъ, кто устроивалъ демонстраціи, кто участвовалъ въ кошачьихъ концертахъ? Кто игралъ въ политику въ минуты безсилія общества? Одна только молодежь, и она вездѣ на одинъ образецъ, въ Германіи, Франціи, Италіи. Теперь, когда общество на западѣ самоявляется вершителемъ и рѣшителемъ своихъ судебъ, молодежь принялась за книжки и учится. Она терпѣливо дожидается теперь во всей Европѣ того момента, когда наступитъ ея очередь вмѣшаться въ дѣла страны. Значитъ, всѣ совѣты, расточаемые русской мо-

лодежи, чтобы она только училась и не вмѣшивалась въ политику, оказываются только жалкими словами, которыя будутъ опровергнуты исторіею.

На что можетъ разсчитывать правительство въ своей борьбѣ съ крамолой, не имѣя за собою сочувствія общества? То лицемѣрное сочувствіе, которое проявляется газетами и людьми слабыми, не есть сила, а скорѣе слабость. Оно вводитъ въ обманъ молодаго государя, который, думая опереться на преданныхъ, сильныхъ характеровъ, опирается de facto на лживыхъ, лицемѣрныхъ холоповъ, которые въ минуту опасности первые бросятся въ разсыпную и покажутъ тылъ. Представимъ себѣ, что при такихъ условіяхъ правительство захочетъ, заручившись народомъ, собственными средствами, не опираясь ни на какія общественныя группы, побороть крамолу, успокоить общество и облагодѣтельствовать народъ. Можетъ-ли оно сдѣлать это, опираясь только на одну бюрократію?

Въ бюрократіи, по мнѣнію многихъ людей, должны сосредоточиться всѣ лучшія силы общества. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Развѣ война 1877 г., этотъ экзаменъ зрѣлости передъ лицомъ всей Европы, не показала намъ блистательную картину всякихъ злоупотре-

бленій, безобразій, неумѣлости, безтолковости и неподготовленности? Кто вынесъ на своихъ плечахъ всю эту борьбу? Общественное мнѣніе не ошиблось на счетъ того, кого слѣдуетъ чествовать. Оно не хвалило искуство дипломатовъ, распорядительность интендантства, оно безъ фразъ преклонилось предъ доблестью и мощью русскаго народа, преодолѣвавшаго съ помощью способныхъ военачальниковъ всѣ трудности и всѣ невзгоды кампаніи и зимняго перехода черезъ Балканы, заслоняя собою всѣ ошибки и всѣ промахи бюрократіи. Онъ показалъ Европѣ, что за размалеванною декораціею стоитъ сильный и мощный народъ, который съумѣетъ постоять за себя. Русскаго народа страшится Европа. Она страшится той бездны ума и силы, которыя таятся въ русскомъ народѣ и которая ждетъ только умѣлой руки.

Но Европа если и опасается Россіи, то бюрократію русскую она изучила до тонкости и знаетъ что не имѣетъ причинъ ея опасаться. Она знаетъ, что это форма безъ содержанія, что это скопище бездарностей, безтолковости и безпорядка; она знаетъ, что это уязвимое и слабое мѣсто Россіи, что бюрократія является ристалищемъ непотизма, протекціи. Отъ русскаго государственнаго человѣка не требуется

образованія. Достаточно кончить курсъ въ Пажескомъ корпусѣ и даже достаточно только болтать по французски, чтобы при счастіи достигнуть степеней извѣстныхъ и потомъ удивлять міръ своею неподготовленностію, своимъ незнаніемъ. Людямъ, незнакомымъ съ морскою стихіею, поручаютъ морское дѣло, а моряку поручаютъ инженерныя, желѣзнодорожныя сооруженія. Зачѣмъ знаніе, зачѣмъ умѣнье— и такъ сойдетъ — говоритъ русская бюрократическая мудрость. Въ Россіи принято, говоритъ одинъ иностранецъ, что изъ генерала можно сдѣлать финансиста, изъ профессора — агронома, изъ кассира—попечителя учебнаго округа. Распоряженія, удивляющія всю Россію своею нелѣпостью — вотъ результаты бюрократическихъ порядковъ. Одна бездарная, одна неподготовленная, неумѣлая личность привлекаетъ, по закону симпатіи, къ себѣ другую, третью, и такъ далѣе, до безконечности. Можетъ-ли подборъ, совершенный въ этомъ духѣ, осчастливить государство и народъ? Не страдаетъ-ли вся Россія отъ этой порчи государственнаго механизма? Кромѣ бездарности, неподготовленности существуетъ зло болѣе страшное, губящее всѣ лучшія силы государства— казнокрадство, раздача имѣній людямъ, неоказавшимъ никакихъ услугъ государству, без-

церемонная эксплуатація казенныхъ угодій, черпаніе полными руками изъ государственнаго сундука, раздача милліоновъ, уходящихъ на покрытіе долговъ какого нибудь Х. или на поддержку какого нибудь дутаго предпріятія, въ которомъ участвуютъ высокопоставленныя лица. Все это — зло, противъ котораго общество безсильно теперь. Фактовъ нечего вспоминать, ихъ такъ много. Вспомнимъ, напр., расхищеніе земель въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, гдѣ съ 19 Апрѣля 1876 года было отдано 155,000 десятинъ земли за 297,000 руб. Вспомнимъ крупное дѣло Шампшина въ Западномъ краѣ. Затѣмъ, раздача всего Кавказа нѣсколькимъ лицамъ, которыя этихъ земель не обработываютъ, а оставляютъ въ пустѣ. И все это дѣлается въ такіе важные моменты исторіи, когда голодаютъ крестьяне и ищутъ мѣстъ для переселенія. Что означаютъ эти поѣздки разныхъ министровъ, какъ не увеселительныя празднества, предпринятыя разными властями для того, чтобы чествовать своего владыку. „Въ Шуѣ министра Макова встрѣтила разряженная толпа. Вскорѣ послышался несмѣлый хоръ и завязался хороводъ.“ И эти увеселительныя поѣздки предпринимались въ то время, когда само правительство боролось съ революціонною силою. Изъ этихъ

увеселительныхъ поѣздокъ кромѣ ублаженія самаго владыки ничего выходить не могло, потому что общественное мнѣніе при нихъ не высказывалась. Онѣ только роняли авторитетъ власти среди общества и народа. Кто не знаетъ, что субсидіи желѣзнымъ дорогамъ выдаются иногда не потому, что въ нихъ есть необходимость, а потому, что дѣлопроизводителю или кому нибудь по выше нужно хапнуть. Вамъ нуженъ милліонъ — берите три, а одинъ дайте намъ, — вотъ какъ говорятъ дѣльцы. Бюрократія не заботится о томъ, кому придется платиться за эти милліоны. Могутъ-ли такіе нравы и порядки подѣйствовать благопріятно на государственное благосостояніе и не заглушитъ-ли эта гангрена всѣ здоровыя силы русскаго народа? Россія, обладая такими громадными средствами, могла бы проявить высокую степень благосостоянія, если-бы съ нея сняли экономическія путы, которыя наложены на нее недомысліемъ. Вездѣ тормозятъ этому развитію благосостоянія, а гдѣ можно — грабятъ. При существующей системѣ, люди сильные, энергическіе, независимые не могутъ ужиться въ такой сферѣ, въ которой требуется приниженность, безцвѣтность, молчаливство и отсутствіе всякой иниціативы. Когда государственная служба практикуется съ точки

зрѣнія мѣстъ, на которыя всегда найдутся люди, по русской пословицѣ: было бы болото и черти будутъ — то можетъ-ли энергическій человѣкъ сдѣлать пользу, еслибы онъ этого и захотѣлъ? Камарилья вездѣ одна и таже; она не понимаетъ такихъ людей, какъ Некеръ, Тюрго и Милютинъ, которые, на хищные происки и просьбы о подачкахъ, отвѣчаютъ отказомъ, выставляя на видъ принципъ народнаго блага. Вспомнимъ прежніе примѣры. Артуа думалъ о томъ, чтобы собрать два милліона пятьсотъ тысячь франковъ, Герцогъ де Гюинъ хлопоталъ о ссудахъ для себя. Положеніе такихъ людей мыслимо только тогда, когда властитель стоитъ за нихъ горой — и Людовикъ XVI долженъ былъ разстаться съ Тюрго и Некеромъ. Эти люди являются анахронизмомъ въ извѣстномъ строѣ жизни, ихъ не выноситъ среда и выталкиваетъ ихъ какъ щепку, какъ только представляется къ тому возможность. Некеръ понималъ очень хорошо, что Франція была богата, но онъ не могъ осуществить своихъ плановъ и поработать для благосостоянія страны. Необходимы были катастрофы, чтобы показать, какъ можетъ быть богата Франція. Наше состояніе очень похоже на то, которое пережило Франція въ тѣ годы. Никогда тамъ не было во главѣ короля, столь

преданнаго общественному благу, никогда небыло такихъ великодушныхъ стремленій со стороны общества, никогда не было столько доброй воли, — но всѣ эти великодушные порывы націи и государя привели съ какою-то фатальною силою къ громадиому перевороту. Екатарина II это понимала и писала Гримму о паденіи Некера: „pauvres gens! (такъ называла она Людовика XVI) les gens non bottés ne peuvent pas souffrir ceux qui sont trop fermes (Necker), trop difficiles, trop consequens, trop forts et trop pleins de raison. Tout cela est incommode“.

Такимъ образомъ характеризовала Екатерина людей сильныхъ и энергическихъ. А камарилья любитъ удобныхъ людей. Посланникъ Сталь писалъ Густаву III о томъ, что хорошихъ людей позовутъ слишкомъ поздно. „C'est ainsi que les mauvais ministres préparent des maux dont on peut à peine calculer la fin et rendent souvent infructueux les efforts dun prince sage, puisque le mal réside dans l'avilssement de toute nue génération“.

Оттого мы видимъ, что люди, дойдя до степеней извѣстныхъ, не обладаютъ тѣмъ широкимъ, геніальнымъ взглядомъ, которымъ отличались дѣятели Екатерининскаго царствованія. Это люди, напротивъ, привыкшіе подчи-

няться чужой волѣ, думать чужимъ умомъ. Они на высотѣ своего положенія оказываются не способными на настоящее дѣло.

Неужели въ Россіи нѣтъ уже людей, способныхъ думать и дѣйствовать на благо государства? — Всякая реформа вызывала, какъ бы изъ нѣдръ земли, новыхъ преданныхъ дѣлу людей. Это примѣръ изъ нашей исторіи. Но объяснимся еще другимъ примѣромъ, болѣе убѣдительнымъ. Въ до-революціонной Франціи замѣчался застой, отсутствіе административныхъ и военныхъ талантовъ. Одна бездарность погоняла другую, и Франція терпѣла пораженія на всѣхъ поприщахъ. Откуда-же явились блестящіе таланты военные и административные, какъ только во Франціи воцарились новые порядки? Даровитые генералы, способные администраторы, блестящіе дипломаты вышли изъ нѣдръ той-же Франціи, которая при Людовикѣ XVI имѣла только бездарностей. Отчего Франція революціонная дала странѣ живыя силы, и этими силами воспользовался Наполеонъ, хотя и для своихъ честолюбивыхъ цѣлей? При Наполеонѣ I, какъ и при революціи выдвигались молодые люди; а строй до-революціонной Франціи, какъ и русская правительственная машина держатся по преимуществу людей старыхъ, изжившихся,

неспособныхъ къ дѣятельности. Сегодня подай Дрентельна или Шувалова подъ однимъ, завтра подъ другимъ соусомъ. Нѣтъ людей! Да вы ихъ поищите, и найдете. Призывайте молодыя, независимыя силы. Для русскаго общества нѣтъ никакой необходимости повторять ошибки другихъ народовъ. Надо имѣть эти спасительные примѣры передъ глазами, чтобы избѣжать ошибокъ и повернуть на новую, лучшую дорогу.

Когда русское общество было въ младенчествѣ, тогда бюрократія представляла собою цвѣтъ ея, лучшія силы народа, тогда самодержавіе являлось настоящею, единственною формою правленія для русскаго государства. Теперь уже никто не скажетъ, что монархъ можетъ обнять всѣ государственныя дѣла и рѣшить ихъ, не выслушавъ мнѣнія страны. Кошелевъ говоритъ совершенно справедливо: этотъ *одинъ* есть человѣкъ, слѣдовательно ограниченность въ умственномъ и нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ есть удѣлъ его, какъ и всѣхъ прочихъ смертныхъ. Въ своихъ частныхъ дѣлахъ мы часто ошибаемся по невѣденію и несоображенію всѣхъ къ нимъ относящихся обстоятельствъ и по слабости нашей единоличной воли и дѣятельности. Человѣкъ, какъ бы щедро онъ не былъ надѣленъ

природными способностями и возможностію удовлетворительнаго имъ веденія общихъ дѣлъ значительнаго государства, остается однако человѣкомъ. Монархъ также, какъ и министры, не могутъ отличаться всевѣденіемъ, непогрѣшимостію. Приведемъ подлинныя справедливыя слова Кошелева: „Самодержецъ, какими бы способностями не обладалъ и какихъ бы трудовъ на себя не возлагалъ, не можетъ, ни всего знать, ни всего придумать, ни всего сдѣлать, онъ необходимо долженъ чрезъ другихъ узнавать, придумывать, онъ не въ состояніи въ пространномъ и могонаселенномъ государствѣ знать людей талантливыхъ, т. е. тѣхъ, которымъ слѣдовало бы быть во главѣ управленія. Онъ узнаетъ людей случайно и поверхностно, т. е. только тѣхъ, которые попадутся ему на глаза и только такъ, какъ имъ выгодно себя ему показать. Можетъ ли онъ при этомъ имѣть надлежащее понятіе о своихъ подданныхъ, питать къ нимъ надлежащее уваженіе и избирать изъ нихъ способнѣйшихъ? Самодержецъ находится въ невозможности узнать самъ собою не только всѣхъ мѣстностей или ихъ нуждъ и желаній, но и одну, какую нибудь мѣстность такъ, какъ она дѣйствительно есть. Все что онъ узнаетъ, доходитъ до него смутно и невѣрно, путемъ офи-

ціальнымъ, рапортомъ или одностороннимъ доносомъ или отрывочнымъ слухомъ, извѣщеніемъ и заявленіемъ не свободной, а произвольно и часто безразсудно стѣсненной гласности. И даже изъ этихъ извѣщеній и заявленій доходитъ до самодержца только то, что и какъ его приближеннымъ угодно ему показать. Въ состояніи-ли онъ, при такомъ порядкѣ, что либо знать вѣрно, многосторонне, доподлинно. Но чтобы вести дѣла, мало еще ихъ знать, надо соображать разныя, къ нимъ относящіяся обстоятельства, подвергать ихъ многостороннему обсужденію, придумать лучшій исходъ для каждаго дѣла и затѣмъ уже приступить къ окончательному ихъ рѣшенію. Очевидно, что такой трудъ не по силамъ не только самодержцу или совокупности людей, его окружающихъ, вѣкъ живущихъ на одномъ мѣстѣ и незнакомыхъ съ дѣйствительнымъ ходомъ дѣлъ, людей, заваленныхъ кипами писанныхъ и печатныхъ бумагъ. Едва успѣешь подписать и отъ себя столкнуть дѣла неотложныя. Могутъ-ли они принимать въ соображеніе потребности и желанія мѣстностей, извѣстныхъ имъ только по имени? Доступно-ли для такихъ людей принятіе мѣръ простѣйшихъ, прямѣйшихъ, изъ самыхъ дѣлъ проистекающихъ? Могутъ-ли они быть для самодержца полез-

ными помощниками, докладчиками, совѣтниками и исполнителями?“

Мысли, высказанныя Кошелевымъ, не новость, онѣ сдѣлались достояніемъ большинства русскаго общества и составляютъ настоящую „злобу дня.“ Все русское общество нетерпѣливо ожидаетъ иниціативы сверху, въ этомъ важномъ дѣлѣ оно жаждетъ политической свободы, перехода отъ произвола и бюрократической язвы къ здоровой, нормальной политической дѣятельности. Общество совершенно право, когда говоритъ: лучшенѣ сколько эфектныхъ рѣчей и погоня за популярностью, чѣмъ безучастныя, эгоистическія отношенія къ дѣлу, лучше честолюбіе нѣсколькихъ даровитыхъ людей на трибунѣ, передъ лицомъ всей страны, чѣмъ одна только забота о полученіи награды или жалованья. Лучше контроль общества, чѣмъ казнокрадство, взяточничество и произволъ во всѣхъ видахъ.

Всѣ эти соображенія должны казаться элементарными и понятными для всякаго не предубѣжденнаго ума. Консервативные органы, въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей,“ оказываютъ правительству и вмѣстѣ съ тѣмъ Россіи ту плохую услугу, что они своими остроумными сближеніями, стараются показать революціонерамъ ту почву, на которой имъ

слѣдуетъ стать въ своей борьбѣ противъ правительства. Аргументаціи этихъ господъ очень несложны и не хитры. Они говорятъ, что революціонеры требуютъ широкаго областнаго самоуправленія, обезпеченности и выбора всѣхъ должностей, самодѣятельности міра и экономической независимости народа, полной свободы совѣсти и слова, печати, сходокъ и т. д. Но вѣдь того-же желаютъ всѣ благомыслящіе элементы не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Значитъ, эти элементы совершенно солидарны съ крамольниками и работаютъ на революціонную партію! Желать представительности — значитъ работать въ одномъ направленіи съ революціонной партіей! Нужно, по мнѣнію этихъ господъ, для спасенія государства, дѣлать какъ разъ противное тому, чего желаютъ революціонеры. Но уцѣлятъ-ли, при такой системѣ, даже реформы прошлаго царствованія, и не нужно-ли будетъ, для того, чтобы быть послѣдовательными, полное отрѣченіе отъ всего, чѣмъ дорожитъ человѣчество, и вернуться къ мрачной эпохѣ застѣнковъ, слова и дѣла, инквизиціи съ ея кострами и пытками? Все, что скрыто отъ насъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, заслонялось передъ нами прежде, не должно быть терпимо. Надо слишкомъ мало уважать себя,

чтобы давать такіе нелѣпые совѣты, слѣдуя которымъ, правительство можетъ дойти до своей гибели. Не знаю, что можетъ вреднѣе отозваться для благосостоянія, совѣты ли этихъ господъ или дѣйствія революціонеровъ? Одни дѣйствуютъ на виду, а другіе подкрадываются сзади и направляютъ руку правительства не туда, куда слѣдуетъ.

Мы показали, что бюрократія, въ глазахъ интелигенціи, утратила всякій авторитетъ и обратилась въ посмѣшище. Можно-ли ждать помощи отъ русскихъ консерваторовъ? Очень можетъ быть, что въ Россіи таятся много консервативныхъ силъ, но надо ихъ организовать, т. е. обратившись къ тому-же народу, и созвавши земскіе соборы. Консерваторы же въ родѣ „Берега“, Мещерскаго и „Московскихъ Вѣдомостей“ уже потеряютъ тогда всякій авторитетъ. Можно сожалѣть при этомъ, что правительство такъ неумѣло совершаетъ подкупъ этихъ лицъ и что, когда эти люди падаютъ отъ равнодушія общества, ихъ паденіе опять таки отражается на авторитетѣ власти. Я говорю о тѣхъ подачкахъ, которыми были осчастливлены разные Цитовичи и Мещерскіе, Купленное слово теряетъ свою цѣну, хотя бы оно проповѣдывало самую святую истину. Аксаковъ, какъ честный, искренній и не под-

купный публицистъ, помѣстилъ въ своей „Руси“ слѣдующую многознаменательную фразу: всѣ письма, всѣ статьи, получаемыя нами *изъ провинціи — всѣ онѣ одинъ только вопль, всѣ онѣ въ одинъ голосъ, хотя изъ разныхъ мѣстъ, клянутъ безтолковщину, безурядицу, царящую по ихъ словамъ внутри страны, подрывающую и благосостояніе и нравственный строй народа.* Странно при этомъ, что онъ, сказавши такія справедливыя слова, выступаетъ съ палліативою, т. е. со своею уѣздною реформою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и уѣздная реформа и забота о крестьянствѣ — должны выступить на первый планъ, какъ только явится возможность приступить къ дѣлу русскому обществу. Мы не отрицаемъ даже того, что одна сильная и созидающая воля, подобная Петру, Наполеону и Бисмарку, можетъ, съ помощію одной бюрократіи, найти исходъ изъ настоящей смуты. Но тутъ не нужно одной только доброй воли, но и характера, опредѣленной программы дѣйствія и умѣнья окружать себя талантливыми, способными людьми. Надо имѣть сильную волю, чтобы вымести сверху до низу Авгіевы конюшни бюрократіи. Въ исторіи были примѣры тому, что созидающая воля одного человѣка задерживала на время цѣлое движеніе, или свора-

чивала историческую жизнь цѣлаго народа на другой путь. Николай I задержалъ Россію на все свое царствованіе. Но это событіе не похоже на настоящее время. Тогда опозиція вышла на улицу и выродилась въ настоящій бунтъ. Теперь она скрывается и питается соками всеобщаго недовольства. Тогдашнее общество пережило такой кризисъ трусости и слабодушія, что оно радо было успокоиться. А теперь революціонная сила дѣйствуетъ, а характеры и опозиція только развиваются. Тогдо не было освобожденныхъ крестьянъ, а теперь царствованіе Александра II круто поворотило на другую, свободную дорогу. Есть люди, въ родѣ Маркова, которые обрушиваюся на либеральную печать, говоря, что либеральная печать считала какимъ-то долгомъ приличія не присоединять своего голоса къ раздававшимся отовсюду голосамъ проклятія противъ злодѣевъ 1-го марта, что она ограничивалась выраженіемъ формальнаго соболѣзнованія по поводу самыхъ ужасныхъ катастрофъ и своимъ умолчаніемъ, своими охлаждающими оговорками и недомолвками словно давала понять людямъ, далекимъ отъ дѣлъ, что подъ всѣми этими безсмысленными усиліями злодѣйства скрывается нечто болѣе разумное и менѣе достойное порицанія. Печать, не пропускающая ни

одной пьяной выходки урядника, ни одной деспотической выходки исправника надъ административно-ссыльнымъ, чтобы не протрубить сейчасъ-же объ этомъ по всей Россіи; стоило только какому нибудь Булюбашу въ Кременчугѣ заикнуться о привлеченіи къ отвѣту двухъ заподозрѣнныхъ имъ лицъ, какъ Булюбаша этого вся либеральная пресса распяла на всѣхъ переулкахъ. Право, противъ злодѣйскаго взрыва жилища русскаго царя философствовали скрытнѣе, чѣмъ объ этомъ пресловутомъ поступкѣ Булюбаша. Что это доказываетъ? Это доказываетъ только, что интелигенція теперь находится между двухъ огней. Съ одной стороны народъ, не помышляющій ни о какой конституціи, съ другой стороны произволъ всесильной власти, а съ третьей — революціонная сила, которая если и ведетъ Россію къ анархіи, то вмѣстѣ выдвигаетъ протестующее начало противъ деспотизма.

Интелигенція, сказали мы раньше, чувствуетъ себя въ положеніи офицера безъ солдатъ. Русскому человѣку, который не желаетъ ни кинжаловъ, ни динамита, ни административныхъ ссылокъ, остается только скрестить руки и сказать себѣ: моя хата съ краю, и ждать у моря погоды или событій, которыя отъ него не зависятъ.

Если народъ не будетъ сражаться за конституціонныя идеи, то можетъ-ли правительство, на этомъ основаніи, успокоиться? Можетъ-ли правительство произвести реформы бюрократическимъ путемъ и считать дѣло борьбы съ крамолой оконченною? Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ! Сама бюрократія находится подъ вліяніемъ общества и извѣрилась въ существующій строй, и если общество останется въ сторонѣ и будетъ смѣяться и глумиться надъ дѣятелями, то и всѣ реформы, сдѣланныя въ пользу крестьянъ не безъ содѣйствія общественной иниціативы, окажутся неудачными и не выполнимыми. Не созвавъ народныхъ представителей, трудно будетъ найти людей, а если найдутся люди молодые, способные на это дѣло, то они скоро подпадутъ растлевающему вліянію среды. Одними перемѣнами въ административномъ персоналѣ тутъ не поможешь. Стоитъ только вспомнить (Арх. кн. Вяземскаго), что говорилъ во время оно графъ В. А. Зубовъ, попавшій въ немилость при императорѣ Павлѣ. „Какой примѣръ нашимъ дѣтямъ, — пишетъ онъ, — выростятъ, увидятъ что честные, истинно съ правилами люди не участвуютъ ни въ пользу ни же въ исправленіи дѣлъ своего отечества и что единственно занимаютъ мѣста тѣ, кои не только

не полезны, но даже и не честны. Я право боюсь, коль все такъ продолжится, молодежь и фальшивымъ блескомъ прельститься можетъ."

Такъ говорили еще во времена Павла. Но время ушло впередъ, а за это время накопилась масса трудовъ, проэктовъ, въ которыхъ участвовало и само общество и пресса. Разобрать все это потребуется цѣлое столѣтіе и самая честная, безупречная бюрократія окажется безсильною угодить обществу и только усилитъ всеобщее неудовольствіе. Томленіе и тоска, которую чувствуетъ интелигенція, не найдетъ себѣ исхода въ дѣятельной работѣ бюрократіи надъ благомъ страны и доведетъ до умственной анархіи. Леруа-Больё съ прозорливостію человѣка, хорошо знакомаго съ Россіей, говоритъ: нигилистическое движеніе 1878—79 годовъ обнаружило полное безсиліе и слабость революціонеровъ. Означаетъ-ли это, что все нигилистическое движеніе, возбужденіе умовъ въ извѣстныхъ слояхъ молодежи, оставалось безъ вреднаго дѣйствія на государство и безъ всякой опасности для правительства?—Конечно, нѣтъ. *Самое зло, настоящая опасность не въ революціи, которая теперь безумна, призрачна, невозможна, а въ безплодномъ, разслабляющемъ возбужденіи, постоянно возобновляющемся*, въ той перемежающей

лихорадкѣ съ жестокими припадками, правильно мѣняющимися періодами, кажущимся спокойствіемъ, упадкомъ силъ. Ближайшая опасность не есть политическая анархія, а нравственная анархія, истощеніе націи безисходными усиліями, повергающими ее въ состояніе безпокойства, нервнаго возбужденія, безъ опредѣленнаго направленія, безъ намѣченнаго пути, безъ яснаго горизонта, и оставляющими государство разбитымъ, изнуреннымъ во всѣхъ своихъ отрасляхъ. Такое состояніе не можетъ продолжаться долго; *не много лѣтъ понадобится, можетъ быть достаточно будетъ одного поколѣнія, чтобы всѣ катастрофы сдѣлались возможными.* Умственная анархія уже началась, — газеты, не понимая другъ друга, грызутся въ безплодной борьбѣ за одни слова, а общество теряетъ вѣру во всевозможныя системы и желаетъ только скорѣйшаго выхода изъ этого всеобщаго недоразумѣнія.

Самъ Леруа-Болье очень хорошо понимаетъ, что радикализмъ не проникъ до поверхности народа. То, что мы говорили выше, о томъ что между народомъ и революціонерами существуетъ громадное недоразумѣніе, нисколько не доказываетъ, что самое движеніе не можетъ привести къ катастрофѣ. Тэнъ очень справедливо говоритъ о французской революціи,

съ которой онъ очень основательно познакомился, что крайнее развитіе самолюбія является у молодежи, жаждущей испытать свои силы на общественномъ поприщѣ и занять тамъ видное мѣсто. Но этихъ мѣстъ мало и многіе должны разочароваться въ своихъ силахъ или предать проклятію общественный строй, который не даетъ ходу ихъ талантамъ. Въ странахъ свободныхъ эта болѣзнь (maladie de croissance) проходитъ скоро. Недовольные, разочарованные находятъ очень скоро, что они не могутъ поколебать вѣковѣчныхъ устоевъ государства, и занимаютъ то скромное мѣсто, которое имъ отмежевано судьбою. Но не то случается со строемъ, въ которомъ старое общество разлагается, и новая форма еще не сложилась. Тамъ тоска, стремленіе къ лучшей жизни, неудовлетворенность существующимъ положеніемъ создаютъ разочарованіе, являющееся стимуломъ къ революціонному броженію. Въ этихъ обездоленныхъ судьбою, недовольныхъ, революція находитъ себѣ поборниковъ. Намъ надо именно опасаться взрыва долго сдерживаемаго самолюбиваго чувства непризнанныхъ талантовъ. Да у насъ, къ несчастію, развилось слишкомъ много талантовъ, умовъ недюжинныхъ, которымъ скучно карпѣть за какими нибудь подробностями, кото-

рымъ хочется на широкую дорогу съ высшими вопросами. Скажутъ на это: какое-же это несчастіе? Большое, по моему мнѣнію. Природа поставляетъ людей кропотливыхъ и людей съ высшими стремленіями (hochtrabende Gedanken). У насъ этихъ людей съ высшими стремленіями развилось очень много. Оттуда идетъ эта тоска, это недовольство, этотъ Weltschmerz, этотъ кислый, серіозный тонъ въ литературѣ. Не будемъ забывать Франціи. Талантливыхъ, даровитыхъ, всякаго рода умныхъ и „лишнихъ“ людей въ до-революціонной Франціи накопилось много. Все ждало чего-то и обрадовалось даже скандалу, когда грянула французская революція.

„Революція началась, — время талантовъ наступаетъ,“ сказалъ Мирабо. Надо было куда нибудь вылиться всей этой талантливости, которая накопилась въ нѣдрахъ Франціи. И революція дала ей исходъ. Посмотрите, сколько таланта появилось тогда во всѣхъ сферахъ! Ихъ накопилось такъ много, что потомъ эти таланты стали пожирать другъ друга. Вышла какая-то колоссальная бойня талантовъ — и все таки много осталось ихъ на долю Наполеона.

Можно, смѣяться надъ тѣмъ, что всюду господствуетъ томленіе, тоска, неудовлетворенность дѣйствительностію, досада на что-то,—

но надо государственнымъ людямъ принимать этотъ симптомъ въ соображеніе, потому что въ противномъ случаѣ мы, какъ дѣти, обрадуемся какому нибудь скандалу, какъ радуются грозѣ послѣ удушливаго дня. Самый умный изъ насъ будетъ конечно знать, что гроза надѣлаетъ много бѣдъ, сорветъ крыши съ домовъ, течь произведетъ, а кого и убьетъ,—но мы всѣ будемъ рады грозѣ, потому что она очиститъ воздухъ. Самый умный будетъ также знать, что послѣ грозы, можетъ быть, настанетъ удушье сугубое. Но что дѣлать? Вся интелигенція будетъ въ тайныхъ помыслахъ своихъ призывать эту бурю на нашу голову. Тэнъ очень справедливо называетъ это томленіе maladie de croissance. Наши лишніе люди, вся эта неудовлетворенность, которая накопилась въ русскомъ обществѣ, непремѣнно постарается привести къ катастрофѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такія эпохи, предшествующія кризису или революціи, особенно богаты талантами. Всякій недоучка считаетъ себя призваннымъ написать конституцію, рѣшить самый трудный вопросъ и все это до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь геній, на подобіе Наполеону, не упорядочитъ всю эту талантливость и не приведетъ ее къ цѣли. Мудрая правительственная система должна умѣть найти таланты, не плодить лиш-

нихъ людей, дать имъ широкое поприще для дѣятельности. Не бѣда, если какіе нибудь прикащики обсуждаютъ въ кривь и въ кось какого нибудь великаго писателя; бѣда, если долго сдерживаемое развитіе страны сдѣлаетъ изъ этихъ прикащиковъ настоящихъ рѣшителей судебъ народа. Мы именно присутствуемъ при тяжеломъ кризисѣ нашей исторіи. Не кучка людей страшна, которая задумала изъ динамита сдѣлать послѣдній аргументъ всякой борьбы — страшно всеобщее недовольство, страшенъ тотъ воздухъ, которымъ дышемъ мы всѣ и эта атмосфера, пропитанная электричествомъ. У насъ только два пути: или мы дадимъ постепенно, благоразумно, заблаговременно исходъ всѣмъ этимъ неяснымъ стремленіямъ, откроемъ осторожно всѣ шлюзы, дадимъ широкое поприще общественной дѣятельности, всѣмъ этимъ лишнимъ силамъ и упорядочимъ всю эту талантливость, которая накопилась въ Россіи — или мы дадимъ всѣмъ неудовлетвореннымъ стремленіямъ развиться въ повальное и эпидемическое неудовольствіе и доведемъ страну до революціи.

Народъ не желаетъ революціи, — такъ говорятъ. Это только одна интелигенція брюжджитъ, фрондируетъ и бредитъ революціей. Но народъ также подверженъ кризисамъ. Въ на-

родѣ были Пугачевы, Разины. Народъ, подъ вліяніемъ голода и какихъ нибудь стихійныхъ бѣдствій, можетъ въ одинъ годъ забыть все и обратиться въ дикаго звѣря. Когда поднимется народъ, то этотъ моментъ будетъ страшенъ, потому что тогда мы переживемъ такіе ужасы, въ сравненіи съ которыми французская революція покажется игрушкой. Въ бѣдственные годы непросвѣщенный народъ — стихійная масса особенно воспріимчивая — беретъ на вѣру всякій нелѣпый слухъ. Можемъ-ли мы желать броженія народныхъ силъ?

А если при такомъ положеніи дѣлъ интелигенція, теперь послушная и трусливая, извѣрившись во всемогуществѣ и исправимости бюрократіи, станетъ тайно, или даже открыто помогать революціонной партіи, если недовольный, фрондирующій, будирующій, брюждящій тонъ русскаго общества пронесется стономъ по всей землѣ русской, если Европа прислушается къ этому тону и станетъ унижать насъ и на поприщѣ внѣшней политики и нанесетъ намъ чувствительныя пораженія, а власть, еще сильная сегодня, окажется безсильною тогда противъ всеобщаго недовольствія и можетъ пасть, какъ падали правительства Наполеона III, Людовика XVI — отъ какого нибудь внѣшняго толчка? Еще время поду-

мать и рѣшить это дѣло — къ обоюдной пользѣ и выгодѣ.

Не думайте, чтобы я считалъ формы конституціонныя за какую нибудь панацею, которая насъ совершенно излечитъ. Нисколько. Я думаю, что у насъ и при конституціи, за немногими исключеніями, будетъ немного по лучше. Люди останутся людьми и злоупотребленія и подлости всегда будутъ. Я даже думаю, что если намъ дадутъ теперь конституцію, то мы черезъ 10 лѣтъ обратимъ ее въ то, чѣмъ стали наши думы и наши земства. Мы скоро охладѣемъ ко всякимъ земскимъ соборамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю такой исходъ необходимымъ въ виду того, что извѣстныя учрежденія создаютъ почву и поприще для общественной дѣятельности, вызовутъ къ наружу подспудные таланты, дадутъ исходъ тоскѣ и будутъ имѣть благотворный характеръ отвлеченія для русскаго общества. Общество непремѣнно отрезвится, если познакомится съ подробностями дѣла. Финансы поправить вѣдь не такъ легко; надо изучить финансы страны, недостаточно статью, другую прочитать. Юстиція! Да это тоже требуетъ большихъ знаній. И все въ этомъ родѣ. Но тогда люди, много мечтающіе о себѣ и считающіе себя необходимыми, въ родѣ Бис-

марка или Мирабо, поймутъ, что надо приняться за букварь. Выскочатъ при этомъ, конечно, громадные таланты. Отъ нихъ и не потребуется того кропотливаго труда, который обязателенъ для людей менѣе талантливыхъ, а прямо сдѣлаются министрами и т. д.

Развѣ это скверно? А масса лишнихъ людей, увидѣвши, въ чемъ состоитъ эта дѣятельность, скажутъ себѣ: да, во мнѣ чего-то нѣтъ, давай-ка я займусь подготовкой къ дѣлу... Но этимъ иллюзіямъ, которыми теперь полно общество, надо дать исходъ, потому что вся интелигенція въ Россіи, если не найдетъ удовлетворенія этихъ иллюзій, сдѣлается въ душѣ революціонною, анархичною, ударится въ утопію и будетъ ждать какого нибудь всесвѣтнаго скандала, чтобы разрушить прежній строй. Только и будетъ объ этомъ думать, заброситъ поля и пашни, наведетъ на страну голодъ и моръ, расплодитъ темныхъ силъ, тьму темъ — и будетъ говорить про себя: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; не захочетъ ни къ чему руку приложить. Тогда произойдетъ то, что говорилъ Шамфоръ въ своей бесѣдѣ съ Мармонтелемъ. „Весь этотъ накопившійся запасъ нетерпѣнія, раздраженія, представляющій грозу, сказалъ Шамфоръ, разразится въ кровавую ре-

волюцію.“ — Шамфоръ соглашался тогда, что у своихъ домашнихъ очаговъ, въ конторахъ, въ бюро, въ мастерскихъ значительная часть оседлыхъ гражданъ найдетъ, быть можетъ, дерзкими замыслы, могущіе нарушить ихъ покой и житейскія наслажденія. *Но всѣ эти спокойные граждане, если не будутъ одобрять такихъ плановъ, т. е. революціи, то сдѣлаютъ это однако и безъ шуму.* А средства для возмущенія будутъ: бѣдность, голодъ, шумъ, переполохъ и испугъ, безумный ужасъ и бѣшенство, какимъ поразятъ умы народа. Знайте, — говорилъ онъ Мармонтелю передъ революціей, — что всѣ наши ораторы на трибунахъ ничто, въ сравненіи съ Демосѳенами по экю съ рыла, которые въ кабакахъ, на площадяхъ, въ садахъ и на набережныхъ возвѣщаютъ о пожарахъ, грабежахъ, разрушенныхъ деревняхъ, залитыхъ кровью, о замыслахъ осадить и заморить голодомъ Парижъ. Вотъ это я называю краснорѣчіемъ. Среди черни особенно сильно дѣйствуетъ жажда денегъ и надежда, нажить деньги при грабежахъ. Мы отсылаемъ нашихъ читателей къ письму крестьянина Барова. И тамъ только сигналъ нуженъ, чтобы все поднялось въ грозномъ величіи. А теперь такихъ Баровыхъ много на Руси и всѣ они думаютъ.

Состояніе Франціи въ годы передъ революціей, является замѣчательнымъ свидѣтельствомъ того, какъ общество, даже высоко образованное по количеству и достоинству своихъ умственныхъ силъ, неуступающее ни одной изъ современныхъ ему странъ, можетъ быть охвачено неудержимымъ потокомъ политическаго легкомыслія. Въ положительномъ, созидательномъ смыслѣ, все шло врозь, но въ отрицательномъ было полное единодушіе. Каждая сила, явившая опозицію правительству, выходившая на борьбу съ правительственною властію, могла разсчитывать на рукоплесканіе одобренія. Ничто не встрѣчалось такъ сочувственно, какъ критика и обличеніе дѣйствующихъ постановленій и правящихъ лицъ. Критика переходила въ вопль о злоупотребленіяхъ и это въ эпоху, когда, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и злоупотребленій было меньше, и благоденствія больше.

Мы часто и даже слишкомъ много приводимъ спасительный примѣръ Франціи, для того, что бы заставить тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находятся судьбы Россіи, одуматься и понять тотъ тяжелый моментъ, который мы переживаемъ. Весь вопросъ вѣдь въ томъ, чтобы дать заблаговременно, что требуется.

Рокэнъ (Rocquain, l'Esprit revolutionnaire

en France avant la revolution) очень справедливо говоритъ, что Людовикъ XVI опоздалъ съ своею конституціею. Онъ далъ ее уже тогда, когда были разнузданы всѣ опозиціонныя силы и когда сама властъ была при послѣднемъ издыханіи. Ждать-ли и намъ такого времени, когда наступитъ эра: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше," когда бюрократія доведетъ страну до банкротства, а народъ, въ случаѣ голода или мора, дойдетъ до открытаго возмущенія и до анархіи? Кому это желательно? Врагамъ Россіи! Тѣ, которые любятъ Россію, не пожелаютъ такого исхода и потому намъ кажется страннымъ, что на злобу дня интелигенціи руководители политики отвѣчаютъ, что они не призваны отвѣчать какимъ-то „*иллюзіямъ.*" *Это было опасное и неосторожное слово,* сказанное руководителемъ Россіи. На слова „не надо заниматься иллюзіями" или „point des rêvéries" — народъ и общество отвѣчаютъ скрытою опозиціею, которая переходитъ въ умственную анархію или въ открытое возмущеніе. Надо помнить, что времена настали такія, что всякое лишнее, неосторожное слово только подливаетъ масло въ огонь. Времена настали критическія и намъ кажется, что грядущія событія бросаютъ тѣнь передъ собою.

Опомнитесь, пока есть время и не бойтесь

вступить на новую дорогу; вступите какъ можно скорѣе въ союзъ искренній и честный съ интелигентными силами общества, дайте извѣстную программу дѣйствій и исходъ всѣмъ этимъ неудовлетвореннымъ стремленіямъ! —

Самодержавіе совершило свой круговоротъ и имѣетъ несомнѣнныя заслуги передъ Россіей. Оно спасло Россію отъ розни, свойственной всему славянскому племени. Оно создало сильное, могущественное государство и съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права оно поставило себѣ нерукотворный памятникъ въ сознаніи народа. Это освобожденіе двинуло общество на новую дорогу — и все пришло въ движеніе. Великія историческія права 19 февраля требуютъ своего завершенія. Хотѣлъ ли кто, или не хотѣлъ, — но толпа новыхъ условій жизни явилась на свѣтъ божій. Всѣ поняли, что въ актѣ 19 февраля только начало освободительнаго движенія, охватившаго русское общество; всѣ поняли, что выбора уже не было. Или уже вовсе не затѣвать, не разрушать прежнихъ крѣпостническихъ бастіоновъ Россіи, а укрѣпить ихъ болѣе надежными подпорами, или уже дать свободно пройти сквозь разрушенныя стѣны тому новому организму, который былъ вызванъ къ жизни освобожде-

ніемъ милліонной массы. Великій самодержецъ и освободитель, потерпѣвшій самъ отъ этого движенія, вызвалъ въ началѣ своей дѣятельности высшее руководящее сословіе къ самопожертвованію и уступкамъ духу времени. Онъ сказалъ тогда: „лучше произвести реформу сверху, чѣмъ ожидать, пока она произойдетъ снизу“. Теперь наступаетъ очередь и его преемнику показать народу высшее довѣріе и сдѣлать то, о чемъ мечталъ Александръ I, что было сдѣлано въ Финляндіи, Болгаріи, и онъ выйдетъ изъ этого акта самоограниченія сильнѣе, могущественнѣе, величавѣе, и заслужитъ благодарность всей мыслящей Россіи. Неограниченное самодержавіе идетъ теперь только въ пользу бюрократіи и является анахронизмомъ въ обществѣ, которое созрѣло для болѣе широкихъ политическихъ правъ. Это поступательное конституціонное движеніе русскаго общества можно временно задержать, — но его нельзя ни вырвать съ корнемъ, ни даже отклонить. Искуственная запруда произведетъ плесень и міазмы, заражающія окружающую атмосферу. Но въ моменты полноводья вешнія воды сорвутъ самыя крѣпкія плотины... Надо выступить открыто и искренно на путь реформъ.

Мы не думаемъ предлагать здѣсь цѣлую

программу реформъ; мы намѣтимъ только самыя важныя изъ нихъ.

Необходимо созвать представителей народа, при чемъ дѣло должно вестись такъ, чтобы народъ дѣйствительно самъ выбиралъ тѣхъ, кого онъ сочтетъ достойнымъ засѣдать въ Земскомъ Соборѣ. Представителямъ нужно дать рѣшить слѣдующіе неотложные вопросы:

1) Аграрный вопросъ, заключающій въ себѣ вопросы о переселеніи, о надѣлахъ и о выкупѣ крестьянскаго имущества.

2) Представителямъ народа, въ соединеніи съ интеллигенціей, дать рѣшить вопросъ о лучшемъ устройствѣ бюрократіи, уѣзднаго и губернскаго самоуправленія, — однимъ словомъ, всѣ вопросы административно-хозяйственнаго характера.

3) Устройство финансоваго вопроса, при которомъ все вниманіе должно быть обращено на болѣе справедливое распредѣленіе налоговъ, потому что строй, который держится на вырожденіи народа отъ пьянства, не можетъ продолжаться до безконечности. Слѣдовательно, всѣ налоги, которые берутся теперь съ крестьянъ, должны быть сняты съ нихъ и перенесены на болѣе состоятельные классы.

4) Затѣмъ вопросы о лучшемъ устройствѣ

суда и о пересмотрѣ нашего законодательства.

5) Этому-же Собору предстоитъ обсужденіе бюджета. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду сокращеніе штатовъ и самую большую экономію въ народномъ хозяйствѣ. Нѣкоторыя министерства, какъ напримѣръ Министерство Государственныхъ Имуществъ, могутъ быть переданы въ вѣдѣніе Земскихъ управъ.

6) Повсемѣстное устройство народныхъ школъ. Школы-же высшаго образованія должны быть предоставлены частной иниціативѣ. Дѣло устройства народныхъ школъ, съ субсидіей отъ правительства, должно быть передано мѣстнымъ земскимъ управамъ.

7) Постановленія Собора получаютъ обязательную силу, какъ только они будутъ утверждены подписью государя. При этомъ надо надѣяться, что власть отнесется честно и искренно къ требованіямъ представителей народа и не будетъ своимъ вліяніемъ, происками, нерѣшительностью, идти противъ общественнаго теченія. Само собою разумѣется, что личность представителей должна быть неприкосновенна. Посягая на личность представителей правительство будетъ играть въ руку анархіи.

Всѣ эти вопросы потребуютъ немало времени и потому до разрѣшенія ихъ Земскій

Соборъ не долженъ быть распущенъ и долженъ возобновляться по третямъ новыми выборными.

Послѣднимъ вопросомъ Земскаго собора долженъ явиться вопросъ о выборныхъ правахъ. При этомъ долженъ быть принципъ отсутствія всякаго ценза и всеобщей подачи голосовъ въ виду того, что русская народная масса всегда консервативна и менѣе опозиціонна, чѣмъ интелигентное меньшинство.

Вопросовъ учредительныхъ не должно предлагать этому Земскому собору въ началѣ, а это слѣдуетъ сдѣлать только въ концѣ всей работы. Иначе, эти вопросы вмѣсто того, чтобъ привлечь вниманіе умственныхъ силъ на самую существенную работу, т. е. на выработку административныхъ, земскихъ и другихъ вопросовъ, отвлекутъ общество въ область общихъ идей и только создаютъ почву для разглагольствованій и ораторскихъ пріемовъ. Предъ такимъ собраніемъ власть должна выступить во всеоружіи разума и силы. Она должна выступить съ опредѣленной программой и сказать: вотъ, господа, потрудитесь для блага народа и общества, — и все, что вы постановите, будетъ имѣть законную силу. Только такая программа можетъ спасти Россію отъ переворотовъ и отъ катастрофъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ люди, которые не-

знакомы съ дѣломъ, но обладаютъ звонкой фразой и общими мѣстами, дѣлая одни голословные нападки на власть, постараются этимъ достигнуть популярности и вызвать еще большее броженіе въ обществѣ. Не звонкія фразы и не общія мѣста должны повести Россію на новый путь свободы и цивилизаціи, а только дѣло и заботы о бытѣ того народа, на которомъ основана вся русская держава. Занимаясь подробностями такого труднаго дѣла, какъ аграрное, финансовое и административное переустройство Россіи, общество сдѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ еслибъ оно, увлекшись ораторскими пріемами нѣкоторыхъ лицъ, прямо выступило въ безбрежное море идей и общихъ положеній. Умное правительство съумѣетъ найти въ средѣ Собора талантливыхъ, толковыхъ, знающихъ и дѣятельныхъ людей, которые являтся работниками на пользу народу. Тогда прекратятся сѣтованія на то, что въ Россіи людей нѣтъ. Людей будетъ больше, чѣмъ ожидаютъ, а работы хватитъ на цѣлое столѣтіе.

Многіе найдутъ наивнымъ, что мы обращались съ убѣжденіями къ революціонной партіи и просили ихъ прекратить свои опыты съ динамитомъ. Покажутся наивными и наши совѣты, обращенные къ правительству. И тѣ,

и другія силы, скажутъ намъ нѣкоторые, дѣйствуютъ въ силу исторической необходимости, повинуясь какому-то слѣпому фатуму, и ведутъ Россію къ безднѣ. Но мы-бы не исполнили гражданскаго долга, если-бъ мы не подняли теперь нашъ голосъ и не предупредили объ опасности. Если событія должны совершиться рано или поздно, то у насъ будетъ по крайней мѣрѣ сознаніе исполненной нами обязанности. Не играть въ опозицію желаемъ мы; мы желаемъ только образумить слѣпыхъ исполнителей историческихъ судебъ и показать имъ, куда они ведутъ Россію. Въ этомъ очеркѣ я поставилъ себѣ задачей высказать все безъ утайки тономъ, полнымъ откровенности и спокойствія. Каждое искреннее слово имѣетъ значеніе только тогда, когда за словомъ стоитъ подпись человѣка. „Гдѣ рука, тамъ и голова,“ такъ говорили люди прежней Россіи, и они были правы. Живя въ Россіи, я считаю своимъ долгомъ не утаить своего мнѣнія и предстать предъ царемъ и предъ всѣмъ русскимъ обществомъ съ правдивымъ, свободнымъ и искреннимъ словомъ русскаго гражданина. Совершая только свой гражданскій долгъ, я руководствуюсь прекраснымъ девизомъ Лютера: „Hilf mir Gott, ich kann nicht anders.“